

Б. О. Николаичев

ОСОЗНАВАЕМОЕ
И НЕОСОЗНАВАЕМОЕ
В НРАВСТВЕННОМ
ПОВЕДЕНИИ
ЛИЧНОСТИ

Б. О. НИКОЛАИЧЕВ

ОСОЗНАВАЕМОЕ
И НЕОСОЗНАВАЕМОЕ
В НРАВСТВЕННОМ
ПОВЕДЕНИИ
ЛИЧНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1976

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Рецензенты:

кандидат философских наук А. А. Гусейнов,
кандидат философских наук Т. С. Лапина

В книге дается этико-психологический анализ проблем нравственного формирования личности в свете определенного понимания специфики морали. В 1-й главе рассматриваются проблемы формирования индивидуального нравственного сознания, во 2-й — анализируются психологически неосознаваемые формы нравственного поведения и их соотношение с осознаваемой регуляцией поведения.

Книга рассчитана на специалистов в области этики, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами коммунистического воспитания.

© Издательство Московского университета, 1976 г.

Н $\frac{10503-061}{077(02)-76}$ 20—76

ос
ки
ва
ою
ду
я т
со
Па
щр
ан,
рав
Р
онн
омм
ист
кла
да
С
це п
ивля
регу
кажд
ия
креп
повед
софс
с неос
гимн

1 Г
1973, с

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Уровни осознания личностью нравственного поведения	9
§ 1. Мораль как способ сознательной саморегуляции личностью своего поведения	9
§ 2. Уровни осознания нравственного выбора в онтогенезе	19
§ 3. Уровень сознательного выбора личностью моральных ориентаций (Роль этики в формировании морального сознания)	34
§ 4. Уровень сознательного выбора личностью конкретных поступков	44
Глава II. Неосознаваемое нравственное поведение личности и его взаимодействие с осознаваемым поведением	53
§ 1. «Бессознательное» и мораль. Понятие неосознаваемого нравственного поведения	56
§ 2. Соотношение и взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых моментов в нравственном поведении личности	74
Заключение	89

ОСОЗНАВАЕМОЕ И НЕОСОЗНАВАЕМОЕ В НРАВСТВЕННОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Тематический план 1976 г. № 20

Редактор И. Б. Куделько
Художник В. С. Казакевич
Художественный редактор В. В. Воронин
Технический редактор Н. А. Лебедева
Корректоры Л. С. Клочкова, Л. А. Костылева

Сдано в набор 27/VIII 1975 г.	Подписано к печати 21/V 1976 г.
Л-54677	Формат 84×108 ¹ / ₃₂
Усл. печ. л. 5,04	Бумага тип. № 3
Уч.-изд. л. 5,11	Физ. печ. л. 3,0
Тираж 8560 экз.	Изд. № 2584
	Заказ 312
	Цена 31 коп.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ, Москва, Ленинские горы

ВВЕДЕНИЕ

Воспитание коммунистической сознательности у советских людей является одной из главных задач строительства коммунизма. Коммунистическая партия Советского Союза ставит своей целью воспитание всего населения в духе марксистско-ленинского мировоззрения, добивается того, чтобы трудящиеся сознательно строили жизнь в соответствии с нормами коммунистической морали. «Партия, — сказано в Программе КПСС, — будет поощрять все формы сознательной самодисциплины граждан, ведущие к закреплению и развитию основных правил коммунистического общежития»¹.

Решение этой исторической задачи требует всестороннего и глубокого научного анализа сущности и форм коммунистической сознательности и в частности коммунистической нравственной сознательности. Посильный вклад в изучение этих проблем и стремится внести автор в данной работе.

Особенностью морального сознания, как это все чаще подчеркивается в последних исследованиях по этике, является его глубоко личностный характер. Моральная регуляция поведения опирается на сознание и волю каждого индивида. Поэтому анализ морального сознания нельзя вести только на уровне сложившихся и закреплённых в общественном сознании норм и принципов поведения, оперируя лишь предельно широкими философско-социологическими категориями. Анализ морали с необходимостью предполагает вторжение в сферу интимно-личностных механизмов мотивации поведения,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, стр. 119.

принятия решений. И здесь не обойтись без помощи данных психологии, педагогики и других наук, изучающих личность. Нравственность является той областью исследования, где сочетание социологического анализа с индивидуально-психологическим может оказаться чрезвычайно плодотворным в научном отношении и полезным с практической точки зрения. Такое сочетание позволяет дать более целостную картину реального функционирования морали. Между тем исследование психологического аспекта морали в нашей литературе только начато и во всяком случае значительно отстает, например, от изучения психологического аспекта религии². А ведь в этике дополнение социологического аспекта анализа психологическим не менее необходимо, чем в религиоведении.

Однако исследование «пограничных» проблем, т. е. проблем, которые не могут быть решены в рамках и методами какой-то одной науки, всегда таит в себе опасность подмены одного аспекта анализа другим. В применении к нашей теме особенно велика опасность подмены социологического аспекта анализа психологическим, что может привести к «психологизации» социальных явлений, объяснению социальных закономерностей свойствами человеческой психики, чем часто грешат буржуазные социологи. Что же касается исследователя, стоящего на марксистских позициях и придерживающегося принципа социальной обусловленности психики, то для него обращение к данным психологии означает конкретизацию общих философско-социологических выводов относительно морали и тем самым приближение этического исследования к анализу реальной моральной практики. Именно к этому мы и стремились в данной работе, которая во многом представляет собой опыт этического анализа некоторых выводов советской психологии и педагогики.

Есть и еще одна специфическая трудность, с которой приходится сталкиваться при анализе проблем, находящихся на границе этики и психологии. Это трудность понятийного характера. Дело в том, что в этике и психологии часто употребляются одни и те же понятия, такие,

² См., например, Д. М. Угринович. Психология религии. М., 1969; М. А. Попова. Критика психологической апологии религии. М., 1973; К. К. Платонов. Психология религии. М., 1967.

например, как «сознание», «цель», «мотив», «чувство», «воля» и т. д. Однако поскольку любое научное понятие получает свое содержание в зависимости от задач данной науки и в контексте всего ее понятийного аппарата, то одно и то же понятие в разных науках имеет часто различное содержание. Если игнорировать это обстоятельство, то уже само название темы данной работы может вызвать недоумение и возражения. «Мораль — это форма общественного сознания. Как же можно говорить о неосознаваемом в морали?» Но все дело в том, что, как мы далее покажем, в психологическом анализе понятие сознания имеет более конкретное значение, чем в философском и социологическом, вследствие чего понятие неосознаваемого оказывается применимым к некоторым вполне сознательным с социологической точки зрения процессам.

Действительно, нравственное поведение, как в том убеждают повседневный опыт, данные экспериментальных психологических исследований, анализ художественной литературы, часто осуществляется без осознания тех мотивов, которые лежат в его основе, непроизвольно, под влиянием непосредственного нравственного чувства. Поведение совершается как бы само собой, без особых сознательных усилий и размышлений. Не противоречат ли эти наблюдения представлениям о сущности и специфике моральной деятельности, выработанным в процессе социологического анализа? Этот вопрос мы и попытаемся выяснить.

Конкретно же задачи настоящей работы заключаются в том, чтобы, проследивая процесс нравственного развития индивида, показать *специфику* и *уровни* нравственного осознания поведения (1-я глава), а также психологически неосознаваемые *формы* нравственного поведения (2-я глава).

Говоря об уровнях осознания нравственного поведения, мы имеем в виду тот факт, что в своей моральной деятельности личность может совершать нравственный выбор различной степени общности, начиная с выбора основополагающих жизненных моральных принципов, моральных ориентаций и кончая выбором конкретного поступка в конкретной ситуации. Если в первом случае предметом осознания являются основания моральных ориентаций, то во втором — в поле сознания нахо-

дятся лишь основания выбора данного конкретного поступка. Эти два полюса мы и возьмем за основу нашего уровневое членения морального сознания личности. Первый уровень — это уровень выбора моральных целей, уровень формирования мотивов. Второй уровень — это уровень выбора средств для воплощения в жизнь конкретных моральных целей, уровень реализации данных мотивов.

В результате нравственного развития личность осознает свое поведение на обоих указанных уровнях: она становится способной не только обосновать свои моральные ориентации, но и осознать средства для реализации данных моральных ориентаций, а следовательно, адекватно воплотить их в поступках.

Другим итогом нравственного развития является тот факт, что многие нравственные действия приобретают внешне произвольный характер, актуально неосознаваемую форму, начинают совершаться по привычке или интуиции. Эти психологически неосознаваемые формы нравственного поведения и их соотношение с актуально осознаваемыми формами поведения будут объектом анализа во второй главе.

Вторую главу следует рассматривать как конкретизацию первой, конкретизацию с точки зрения того, в каких психологических формах, механизмах осуществляется нравственная деятельность. Анализ психологических форм и механизмов функционирования моральной деятельности не может не представлять интереса для этики, поскольку то, в каких именно психологических формах, при помощи каких именно психологических механизмов реализуется нравственная деятельность, является, как мы увидим далее, показателем уровня нравственного развития данной личности, степени ее нравственной зрелости. А это уже, несомненно, является одним из критериев нравственной оценки поведения. Определенный уровень зрелости нравственной деятельности требует для своего проявления и определенных психологических форм, соответствующих психологическим механизмам. Поэтому анализ этих механизмов позволяет в определенной мере судить о степени нравственного развития личности. Разумеется, этот показатель не является ни единственным, ни определяющим. Основным критерий нравственного развития личности —

это степ
потребно
рию наш
няющим
внимания
Вопро
поднимае
ратуре ли
ственных
чувства в
рациональ
осознавае
знаваемо
пересекаю
ваемое по
логические
ства могут
стают быть
человека к
их соответс
ловека»⁴.
явлениям д
момента во
противопо
ной» форме

³ См., напр
ственных убеж
Л. И. Котов
процессе комму
чева. Эмоцион
Тартуского гос.
Нравственные
философии», 196
630; Г. Г. Анд
шественная псих
К. А. Швардм
стр. 43—63; О.
В кн.: «Нравствен
ва. Воспитание
витие личности»;
Ю. И. Сидорен
структуре мораль
софия, 1971, № 5.
М., 1968, стр. 675.

это степень соответствия ее поведения прогрессивным потребностям общества. По отношению к этому критерию наш показатель является вспомогательным, дополняющим, но это вовсе не значит, что он не заслуживает внимания.

Вопрос о неосознаваемом в моральном поведении, поднимаемый во 2-й главе, затрагивался в нашей литературе лишь косвенно, обычно при рассмотрении нравственных чувств и привычек³. Действительно, например, чувства в своем «чистом» виде, «освобожденном» от рационального оформления, — это не что иное, как неосознаваемые чувства. Однако, хотя проблема неосознаваемого в морали и проблема нравственных чувств пересекаются, все же они нетождественны. Неосознаваемое помимо чувств включает в себя и другие психологические формы (и прежде всего привычки), а чувства могут быть осознанными, и от этого они не перестают быть чувствами, т. е. «особой формой отношения человека к явлениям действительности, обусловленной их соответствием или несоответствием потребностям человека»⁴. Будучи выражением отношения человека к явлениям действительности, проявлением личностного момента во взаимоотношениях с действительностью, в противоположность рациональной, «незаинтересованной» форме отражения, чувства являются тем феноме-

³ См., например, Л. М. Архангельский. Воспитание нравственных убеждений, чувств, привычек. «Коммунист», 1960, № 5; Л. И. Котов. Развитие нравственных убеждений и привычек в процессе коммунистического воспитания. М., 1961; А. И. Горячева. Эмоционально-психологическая сторона морали. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 111. Тарту, 1961; В. Н. Бабаев. Нравственные привычки и условия их формирования. «Вопросы философии», 1964, № 9; И. Попелова. Этика. М., 1965, стр. 617—630; Г. Г. Андреев. Этика и социальная психология. В кн.: «Общественная психология и коммунистическое воспитание». М., 1967; К. А. Шварцман. Теоретические проблемы этики. М., 1969, стр. 43—63; О. П. Целикова. Развитие нравственных чувств. В кн.: «Нравственное развитие личности». М., 1969; Е. Л. Суслеева. Воспитание нравственных привычек. В кн.: «Нравственное развитие личности»; Т. С. Лапина. Сознательное и привычное в нравственном поведении. В сб.: «Насущные вопросы этики». М., 1971; Ю. И. Сидоренко. Нравственные чувства, их место и роль в структуре морального сознания. «Вестн. Моск. ун-та», сер. философия, 1971, № 5.

⁴ П. М. Якобсон. Чувство. Педагогическая энциклопедия, т. 4. М., 1968, стр. 675.

ном, без которого нравственное сознание вообще не может существовать.

Что же касается привычек, то они, так же как и чувства, могут осознаваться, хотя непосредственно функционируют чаще всего в неосознаваемой форме.

Учитывая сказанное о чувствах и привычках, отметим, что нас эти психологические формы будут интересовать лишь в той мере, в какой в них проявляется непосредственное, актуально неосознаваемое нравственное отношение человека к действительности, являющееся показателем определенного уровня нравственного развития личности. В явном виде вопрос о неосознаваемом моральном поведении ставится довольно редко и почти только одними психологами⁵, а тем не менее выяснить место и роль таких актуально неосознаваемых моментов в моральном поведении и их соотношение с актуально осознаваемыми моментами представляется достаточно интересной и важной задачей.

В целом же решение вопросов, поставленных в данной работе, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшей разработке таких кардинальных проблем этической науки, как проблемы специфики морали и нравственной свободы.

⁵ См. Б. Д. Парыгин. Социальная психология и этика. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1964, т. 254, стр. 47—50; Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1969, стр. 245—246; Л. И. Рувинский. Об осознанности мотивов поведения у подростков. «Известия АПН РСФСР», вып. 138, 1964; М. С. Неймарк. О соотношении осознаваемых и неосознаваемых мотивов в поведении, характеризующем направленность личности школьника. «Вопросы психологии», 1968, № 5 и др. В этике же применять понятие неосознаваемого к моральному поведению считают возможным лишь немногие авторы. См., например, А. И. Титаренко. Специфика и структура морали. В кн.: «Мораль и этическая теория». М., 1974. О «неосознаваемых моментах в целом сознательной нравственной деятельности» пишет Г. Г. Андреев в статье «Этика и социальная психология». (В сб.: «Общественная психология и коммунистическое воспитание»). См. также Т. С. Лапина. Сознательное и привычное в нравственном поведении. В сб.: «Насущные вопросы этики». М., 1971.

Глава I.

УРОВНИ ОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

§ 1. Мораль как способ сознательной саморегуляции личностью своего поведения

Человеческие взаимоотношения могут регулироваться самыми различными способами. Это могут быть стихийно сложившиеся общепринятые, вполне конкретные требования к поведению в конкретных случаях (обычай и этикет). Это могут быть указания «морального авторитета», каковым, например, являлся авторитет старейшин рода. Это могут быть жесткие предписания, идущие от авторитета силы (право), а также родственные им по духу административные установления — детальные описания того, как надо себя вести в определенных, заранее предусмотренных ситуациях (различные инструкции, «правила пользования...» и т. д.).

У всех этих способов регуляции человеческих взаимоотношений есть то общее, что они предъявляют свои требования, не принимая при этом во внимание субъективное отношение к этим требованиям того, к кому они предъявляются, не учитывая его волю. Предписания этого рода должны выполняться независимо от того, одобряет их индивид или отвергает, видит он в них смысл или они кажутся ему бессмысленными.

История, однако, выработала принципиально иной, более высокий способ регуляции человеческих отношений, который исходит из того, что регуляторами этих отношений могут быть сами их участники. Как правильно пишет А. Г. Харчев, «умножившиеся потребности (как отдельных людей, так и всего общества) и развивающиеся с разделением труда противоречия интересов делали регулирование индивидуального поведения в

нужном обществу духе более сложной и трудной задачей. Причем для ее выполнения в первую очередь использовались те факторы, которые, казалось бы, заведомо являются антиподами социального единства: возросшая свобода действий и личная активность людей. «Тайна» этого превращения и составляет существо морали¹. Здесь, таким образом, мы имеем дело с *само-регуляцией* личностью своих отношений с обществом. Этот способ регуляции, именуемый моралью, не просто предоставляет индивидам свободу в их действиях, рассчитывая на то, что они сумеют правильно ею воспользоваться, но и требует действовать свободно, т. е. в соответствии с осознанной необходимостью. Мораль, следовательно, одновременно и предполагает способность индивида к самостоятельным действиям, и формирует такого индивида.

Конечно, мораль не ограничивается тем, что говорит личности: *поступай самостоятельно*. Она не предоставляет человека самому себе, но и не осуществляет мелочной опеки над ним. Мораль формулирует общие требования к поведению человека, общее направление его взаимоотношений с обществом, но при этом *непременным* условием ставит *добровольное* принятие этих требований личностью. По логике морали личность должна выполнять требования, предъявляемые к ней обществом, не просто и не только потому, что этого хочет общество, а и потому, что она сама *сознает* необходимость для других и для себя лично выполнения этих требований. В этом случае она поступает *свободно*, относительно независимо от внешних влияний и непосредственного окружения². Нравственное действие,

¹ А. Г. Харчев. Мораль как предмет социологического исследования. «Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 46.

На этот момент как специфический для понимания нравственности обращается внимание и в работах таких авторов, как О. Г. Дробницкий. Понятие морали. М., 1974; Т. В. Самсонова. Теоретические проблемы этики. М., 1966; А. А. Гусейнов. Социальная природа нравственности. М., 1974, и др.

² В связи с этим нельзя согласиться с довольно распространенной в нашей литературе точкой зрения, усматривающей специфику моральной регуляции в том, что она опирается на общественное мнение. Общественное мнение — важный инструмент, средство формирования морального сознания личности, но, будучи сформированным, моральное сознание опирается прежде всего не на общественное мнение, а на собственные убеждения.

таким образом, — это действие *по убеждению*. Из всех способов социальной регуляции поведения, как верно замечает С. Ф. Анисимов, лишь одна мораль непосредственно апеллирует к объективной необходимости, к истине³. Практическое личностное осознание правильности (истинности) данных моральных требований ведет к тому, что эти требования представляются в моральном сознании личности как общезначимые, независимые ни от кого отдельно, а принадлежащие в равной мере всем⁴.

Внешнее рассмотрение морали фиксирует в ней, как и в других способах социальной регуляции, разделение объекта и субъекта ее предписаний. Моральные требования вырабатываются обществом (классом), а индивид, к которому эти требования предъявляются, застаёт их как уже нечто готовое, внешнее по отношению к нему. Но любое моральное требование помимо указания поступать определенным образом заключает в себе обычно прямо не сформулированное требование соответствия, требование того, чтобы индивид принял это внешне выраженное содержание данного морального требования как свое собственное. В этом смысле осуществляется слияние субъекта (автора) и объекта (исполнителя) морального требования⁵. Если этого «второго рождения» морального требования в сознании индивида не происходит и моральное требование выступает как нечто постороннее (хотя и не обязательно враждебное), то это означает, что индивид не поднялся на уровень моральной регуляции. И если даже отдельные его действия внешне будут соответствовать данному требованию, то можно с уверенностью сказать, что индивид здесь побуждается какими-то иными мотивами, а не внутренним смыслом данного морального требования, который остался для него печатью за семью замками.

Заключающееся в любом моральном требовании условие самостоятельного переосмысления его содержания проявляется, в частности, в том факте, что даже

³ См. С. Ф. Анисимов. Марксистско-ленинская этика, ч. 2. (Курс лекций). М., 1973, стр. 47.

⁴ См. О. Г. Дробницкий. Понятие морали. М., 1974, стр. 306—313.

⁵ См. там же, стр. 346—349.

самые конкретные из всех видов моральных требований — нормы — имеют достаточно общий, недетализированный характер⁶.

Детальные указания на то, как надо себя вести в достаточно конкретных ситуациях, свойственные для таких способов регуляции, как обычай, этикет, право, административные и уставные требования, не могут быть специфичными для морали именно потому, что они по своему характеру не предполагают свободы и самостоятельности индивида, а, напротив, исходят из того, что индивид сам не сумеет повести себя должным образом в данной конкретной ситуации. Поэтому и нужны детальные указания, по возможности не допускающие разночтений.

Таким образом, свобода в морали выступает в двух неразрывных между собой формах: как возможность и способность поступать добровольно, сообразно своим убеждениям, а также как возможность и способность в каждом конкретном случае находить правильную линию поведения, способность к определенному моральному творчеству, активности.

Разумеется, это не означает, что, если человек руководствуется конкретными, детальными предписаниями (без которых, в общем-то, не обойтись), он поступает обязательно несвободно и несамостоятельно, т. е. не из моральных побуждений. Можно выполнять правовые и административные предписания и при этом руководствоваться логикой морали, т. е. осознавать необходимость для себя лично выполнения этих предписаний⁷. В таком случае человек будет исполнять эти нормы так, как если бы они не имели жесткого принудительно-обязательного характера, и будет верен им всегда, в том числе и в тех ситуациях, когда о его действиях никто не сможет узнать. Можно следовать обычаю, соблюдать

⁶ На этот момент, в частности, обращают внимание Т. С. Лапина и К. С. Сарингулян. См., например, Т. С. Лапина. Личность как субъект нравственной регуляции. В сб.: «Моральная регуляция и личность». М., 1972, стр. 25—26; К. С. Сарингулян. Моральное управление и личность, там же, стр. 83—89.

⁷ Так, скажем, особенностью социалистического права является то, что оно все больше и больше апеллирует к морали. Но такая апелляция и есть выражение начавшегося процесса сближения права с моралью в социалистическом обществе.

этикет, но при этом относиться к ним не бездумно, соблюдать их не механически, не потому, что «так принято», «все так поступают», а видеть в них глубокий нравственный смысл. В таком случае человек следует не столько этим обычным, этикетным и т. п. нормам, сколько стоящему за ними гораздо более значительному общему принципу поведения⁸. Проиллюстрируем это на примере обычая.

Само по себе содержание обычая может быть совершенно нейтральным по отношению к морали. Однако нарушение даже таких обычаев часто осуждается морально. Дело здесь в том, что нарушение таких нейтральных обычаев, не заключающих в себе никакого морального содержания и тем более не представляющих собой сами моральные нормы, является как бы тем поводом, по которому происходит нарушение морального принципа равенства. Ведь обычай — потому и обычай, что он предполагает соблюдение его всеми членами данной общности. Таким образом, осуждается не столько само по себе нарушение обычая, сколько заключающееся в этом нарушении пренебрежение ко всем тем, кто соблюдает этот обычай, подчеркивание своего отличия от других.

Конечно, далеко не всегда нарушение обычая связано с нескромностью и неуважением к другим. Однако обыденное моральное сознание, действуя в условиях нехватки информации, выработало однозначное отношение к нарушению обычаев. Эта однозначность обеспечивает в большинстве случаев правильную оценку, не застраховывая, разумеется, и от ошибок. Вот почему нарушитель обычая берет на себя большую смелость даже тогда, когда последний перестает отвечать изменившимся социальным условиям, когда он не только теряет

⁸ В этом смысле А. И. Титаренко, конечно же, прав, говоря, что многие обычаи и правила этикета имеют (или имели) моральное содержание. (См., например, А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания. М., 1974, стр. 187—188. Но это еще не основание для того, чтобы считать сами по себе данные обычаи и правила этикета специфически моральными. Ведь тогда пришлось бы отнести к сфере морали чуть ли не все правовые нормы, которые также имеют моральный смысл и нарушение которых осуждается не только юридически, но и морально.

свой первоначальный положительный смысл, но и противоречит возникшим новым моральным установкам.

Из всех предыдущих рассуждений видно, что специфика морали выявляется не только в том, что делает личность (предметное содержание действия), но и в том, как она это делает, в способе мотивации этого действия, в ее субъективном отношении к тому, что она делает, в том, ощущает ли она это действие своим, а не навязанным ей извне. Моральное требование отличается от любого иного тем, что само по себе выполнение подразумеваемых в нем действий еще не означает реализации этого требования. Если для того чтобы поступить согласно юридическому закону, достаточно совершить какие-то узаконенные действия, а для того чтобы соблюсти этикет или обычай, достаточно произвести вполне определенные предписываемые процедуры, то реализация нравственного требования такой внешней, поведенческой стороной не ограничивается. Никто никогда не назовет человека честным, если тот не солгал лишь постольку, поскольку заранее знал, что будет уличен во лжи.

Однако из этого не следует, что личность в морали оценивается прежде всего по способу мотивации. Моральная оценка, как и всякая иная, исходит прежде всего из объективного содержания поступка, независимо от того, был ли поступок совершен по моральным соображениям, по логике морали, или из каких-то других побуждений. Человек может вполне самостоятельно (т. е. по логике морали) поступить неправильно, и то, что он был свободным субъектом своих действий, ничуть не оправдывает его, а, наоборот, усугубляет его вину. Но способ мотивации нигде, ни в какой другой форме регуляции, не имеет столь важного значения, как в морали⁹.

Так, действия «объективно моральные», отвечающие буквальному смыслу моральных требований, но мотивирующиеся нехарактерным для морали способом, не будут иметь положительной моральной ценности. Мораль-

⁹ От способа мотивации как показателя принадлежности действия к собственно моральной сфере следует отличать содержание мотива как показатель нравственной ценности поступка. Последней проблемы мы коснемся ниже.

ная оценка поступка основана на том, что любая личность может быть подлинным субъектом своих действий, может поступать свободно. Более того, личность обязана поступать свободно. Поэтому если человек действует внутренне несвободно, не под влиянием собственных убеждений, это не освобождает его от нравственной ответственности и не означает, что он выходит за границы применения моральной оценки. Бездумное следование инструкции без нравственного осмысления ситуации может привести к объективно аморальному поступку. Однако ссылка на приказ или инструкцию не может служить для нравственности оправданием, в то время как в юридической практике подобная ссылка часто (хотя и не всегда) может быть основанием для непривлечения к ответственности.

Сфера действия моральной оценки распространяется почти на все человеческие действия, прямо или косвенно затрагивающие интересы других людей. Моральная оценка не распространяется лишь на *внеморальные* действия, т. е. 1) действия индивида, никак не затрагивающие интересы других людей, и 2) действия, в которых субъект не имел объективной возможности поступить свободно, быть в полном смысле слова субъектом своих действий. К последним относятся, например, действия: совершенные в условиях, когда отсутствовала физическая возможность поступить в соответствии со своим выбором; ребенка, еще не способного понимать смысл моральных требований; психически больного человека и т. п.

Однако это не означает, что все остальные действия, подпадающие под власть моральной оценки, являются специфически моральными. И выделение сферы действия моральной оценки еще не выявляет ее специфику. Следует, таким образом, различать сферу действия моральной оценки и сферу собственно моральных действий¹⁰.

¹⁰ Т. В. Самсонова различает «нравственную деятельность», т. е. такую деятельность, «которую человек или общество, прежде чем совершить, сознательно ориентирует на достижение добра, справедливости...» и т. д. и «нравственный аспект деятельности», т. е. возможность применения к деятельности моральной оценки (Т. В. Самсонова. Теоретические проблемы этики. М., 1966, стр. 30—31).

Соответственно следует различать свободу воли как объективную свободу выбора, которая является необходимой предпосылкой всякой социальной деятельности и всякой социальной ответственности (моральной, правовой, политической и т. д.), и свободу воли как внутреннюю свободу, как осознание этой объективной свободы, осознание своей относительной независимости от внешней воли и внешних обстоятельств в выборе ценностных ориентаций и соответствующих им поступков, осознание себя подлинным субъектом своих действий. Именно в последнем своем значении свобода воли является порождением, следствием механизма моральной регуляции, системообразующим моментом, придающим нормам и оценкам личностный характер и приводящим, как правильно замечает О. Г. Дробницкий, нормативный и оценочный моменты к тому специфическому единству, которое мы наблюдаем в морали¹¹.

Если человек, имея объективную возможность высвиться до уровня моральной саморегуляции поведения, тем не менее ориентируется на внешние указания или какие-то иные, не относящиеся к морали цели, то его действия могут соответствовать или не соответствовать внешнему смыслу моральных требований, т. е. быть «объективно моральными» или «объективно аморальными», но они не могут быть собственно нравственными. Правда, это справедливо лишь для тех действий, субъект которых не осознает возможности иного способа регуляции своих действий, исходящего из собственной воли, собственных убеждений. Человек здесь как бы «забывает» взглянуть на дело с нравственной точки зрения. Собственные действия представляются ему вне моральными, т. е. он не замечает, что эти действия затрагивают интересы других людей. Иное дело, если человек сознательно ориентируется на указания извне, взяв себе за правило поступать как все, не выделяться, подстраиваться под окружающих; или же сознательно стремится прежде всего удовлетворять свои узкоэгоистические желания. В этом случае мы сталкиваемся с определенной нравственной позицией, самостоятельной

¹¹ См. О. Г. Дробницкий. Моральное сознание и его структура. «Вопросы философии», 1972, № 2, стр. 35.

ценностной ориентацией, имеющей отрицательный характер.

Исходя из сказанного все человеческие действия в их отношении к морали можно подразделить на три вида: 1) *внеморальные* — действия, на которые в силу определенных (указанных нами выше) причин не распространяется моральная оценка; 2) действия, *морально значимые* (т. е. подлежащие моральной оценке), но не *регулируемые* в силу субъективных причин *моральным сознанием личности*¹²; 3) *собственно нравственные* действия.

Разумеется, эти виды действий не представляют собой что-то обособленное, жестко фиксированное. Одно и то же действие в зависимости от ситуации, обстоятельств может быть либо «внеморальным», либо «морально значимым», либо «собственно моральным». Так, действия индивида, в одних условиях не затрагивающие интересы других людей, при иных обстоятельствах могут приобрести нравственное значение. И в этом случае, если субъект осознал нравственное значение своих действий в изменившихся условиях, действия приобретают собственно моральный (положительный или отрицательный) характер. Поясним это на простом примере. Два человека идут и о чем-то оживленно беседуют. Их действия никоим образом не затрагивают интересы находящихся в данный момент рядом людей. Но вот собеседники входят в читальный зал. Один из них так увлекся разговором, что не заметил перемены обстановки и продолжал разговаривать вслух. Как только ошибка была осознана, он прекратил разговор. Что же касается его собеседника, тот не был столь увлечен, чтобы забыться. Однако продолжал разговор, ибо не

¹² Данный тип действий чем-то напоминает «легальные» действия Канта, т. е. действия, совершаемые не по осознанному желанию выполнить долг, не «ради долга», а по склонности, «сообразной с долгом». Однако, последовательно и настойчиво проводя требование «чистоты мотива» в нравственных действиях, Кант в понятие «легальных» действий включил все действия, в мотивы которых примешивается личная склонность, в том числе и те действия, которые мы бы отнесли к собственно моральным. Кроме того, по Канту, «легальные» действия — это лишь действия, сообразные с долгом, в то время как морально значимые, но не регулируемые моральным сознанием личности действия могут и противоречить моральному долгу.

в его принципах считаться с окружающими. Если проанализировать поведение этих двух человек с позиции нашей понятийной схемы, то его можно расчленить на следующие этапы: 1) неморальное (в указанном отношении) поведение обоих до входа в читальный зал; 2) объективно отрицательное, но не регулируемое индивидуальным моральным сознанием поведение первого собеседника в первые минуты после входа в читальный зал до осознания перемены обстановки; 3) положительное моральное поведение первого собеседника, выразившееся в прекращении разговора; 4) отрицательное моральное поведение второго собеседника с момента входа в читальный зал.

Итак, особенностью морального способа регулирования является то, что он опирается на сознательную волю индивида, его сознательное желание следовать общественному долгу. Внешнее следование буквальному смыслу моральных требований еще не поднимает личность на уровень моральной регуляции своего поведения, так же как, с другой стороны, следование обычным, правовым и т. п. нормам не означает утрату этими действиями специфически нравственного характера. Можно заставить человека исполнять то, что внешне предписывается моральными нормами, но от этого его действия не обретут специфически нравственную окраску. Силой заставить человека быть моральным нельзя. Моральный суд — это суд собственной совести. «... При человеческих отношениях наказание действительно будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой. Никому не придет в голову убеждать его в том, что *внешнее насилие*, произведенное над ним другими, есть насилие, произведенное им самим над собой. В *других* людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя...»¹³.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что мораль представляет собой такой способ регуляции взаимоотношений человеческих интересов, который требует от личности самой определять линию своего поведения по отношению к другим людям, исходя из практического осознания внутреннего смысла и объ-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 197.

ективной необходимости общих принципов взаимоотношений человеческих интересов, выработанных на протяжении истории и отражающих определенные объективные закономерности.

§ 2. Уровни осознания нравственного выбора в онтогенезе

В этической литературе проблема формирования нравственного сознания рассматривается обычно лишь в процессе филогенеза как проблема происхождения нравственности. Что же касается проблемы «происхождения нравственности» в отдельной личности, т. е. возникновения и формирования морального сознания в процессе онтогенеза, то ею занимаются в основном психологи. Между тем решение вопроса о том, на каком этапе своего развития индивид начинает выступать как нравственный агент, предполагает то или иное решение вопроса: что такое нравственность? А это уже проблема этики и, как известно, достаточно сложная. Поэтому проблема формирования нравственного сознания в онтогенезе представляет собой один из примеров «пограничной» проблемы, и ее решение требует совместных усилий этиков и психологов. Причем такая кооперация нужна не только психологам, но и не в меньшей степени этикам прежде всего потому, что изучение этой проблемы позволит уточнить и конкретизировать их представления о специфике морального способа регуляции.

Попробуем исходя из наших представлений о специфике морали взглянуть на те данные психического развития личности в онтогенезе, которые имеются в современной советской психологии. Напомним, что с нашей точки зрения о личности как моральном субъекте можно говорить лишь тогда, когда она начинает самостоятельно следовать моральным требованиям, осознавая их смысл и значение. Этот момент в психическом развитии личности мы и попытаемся «зафиксировать», а также попробуем определить те основные этапы, которые она проходит в своем нравственном развитии.

Если кратко обрисовать на основе психологических данных картину нравственного формирования личности в онтогенезе, то она будет выглядеть следующим образом.

В младенческий период (до года) поведение ребенка целиком обусловлено его биологическими потребностями и воздействующей в данный момент внешней ситуацией. Изменение этих факторов означает и изменение поведения. В начале второго года жизни происходит появление первых образов и представлений, которые не исчезают с исчезновением воздействующего предмета, ситуации, а закрепляются в его психике и начинают определять поведение. Этот факт, означаящий момент первого отрыва от влияния непосредственно воздействующей ситуации, имеет принципиально важное значение. Если поведением младенца легко было управлять, лишь изменяя ситуацию, то теперь этого недостаточно. Однако на протяжении всего раннего детства (от года до 3-х лет) возникновение этих образов и представлений имеет непроизвольный характер. Ребенок еще не способен сам намеренно вызывать их у себя и с их помощью регулировать свое поведение. Причины его поведения не зависят от него самого. Даже «в переходный период от раннего детства к дошкольному личные желания носят еще форму аффекта. Не ребенок владеет своими желаниями, а они владеют им. Он находится во власти своих желаний так же, как раньше находился во власти аффективно-притягательного предмета»¹⁴.

Те эмпирически наблюдаемые оценки, которые уже способен высказывать или выражать в этом возрасте ребенок, являются не более чем проявлением непосредственных эмоций, отражающих его внутреннее состояние и обусловленных тем, удовлетворяет ли объект оценки его импульсивным желаниям или нет¹⁵. Проблема регулирования своего поведения по отношению к другим людям, соотнесения своих желаний с желаниями других в сознании ребенка здесь еще не возникает. Тот факт, что ребенок следует указаниям взрослых, имеющим нравственное значение, не противоречит сказанному, поскольку исполнение требований взрослых отражает его собственные непроизвольные желания. Ребенок еще так

¹⁴ Психология личности и деятельности дошкольника. Под ред. А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина. М., 1964, стр. 258.

¹⁵ Интересно заметить, что если принять точку зрения эмотивистов на природу и характер моральной оценки, то придется считать субъектом моральной оценки лишь детей раннего возраста.

сильно зависит от взрослых, что любая отрицательная оценка с их стороны нарушает то равновесие в его отношениях со взрослыми, которое ему в этом возрасте так необходимо. Подчиняясь требованиям взрослых, дети такого возраста еще не понимают нравственного смысла требований. «Совершая положительные поступки, эти дети не осознают их необходимости (курсив мой. — Б. Н.)..., не расценивают их как «должные» поступки»¹⁶.

Зачатки произвольного поведения, т. е. такого поведения, которое обусловлено не непосредственными эмоциональными импульсами, а сознательно принятым намерением, идущим иногда вопреки этим импульсам, возникают у ребенка в 3—4 года. Появление произвольного поведения связано с новым типом взаимоотношений между ребенком и взрослым, который возникает в дошкольном возрасте. Та тесная связь между ребенком и взрослым, которая характеризовала раннее детство, к 3—4 годам значительно ослабевает и видоизменяется. «Ребенок все более и более отделяет свои действия от действий окружающих людей. Он стремится теперь сам участвовать в жизни и деятельности взрослых. И на рубеже дошкольного детства это приводит к тому, что взрослые начинают выступать перед ребенком образцом поведения»¹⁷. Иными словами, поведение ребенка теперь опосредуется поведением взрослых как образцом. Он становится способным действовать не только под непосредственным контролем взрослого, указания которого вместе с его импульсивными желаниями составляют произвольные побуждения к действию, но и без его прямого участия, где взрослый выступает лишь в качестве ориентирующего «образа как образца» (Д. Б. Эльконин).

Возникновение произвольного поведения знаменует собой огромный скачок в психическом развитии ребенка и имеет решающее значение для формирования его нравственного сознания. Однако само по себе появление произвольного поведения еще не означает возникно-

¹⁶ Д. Б. Эльконин. Детская психология. М., 1960, стр. 305. См. также Р. Н. Ибрагимова. Первые зачатки чувства долга у детей дошкольного возраста. Автореферат канд. дисс. М., 1952, стр. 9.

¹⁷ Д. Б. Эльконин. Детская психология, стр. 294.

вления нравственного поведения. Это лишь его пред-
посылка (хотя и чрезвычайной важности). Способность мо-
действовать по сознательно принятому намерению спо-
жет реализовать себя и нехарактерным для морали спо-
собом. И действительно, вначале произвольность пове-
дения у детей выражается в том, что они становятся
способны самостоятельно совершать непосредственно
непривлекательные действия лишь ради достижения
более привлекательной цели, отвечающей их импуль-
сивным потребностям. То есть здесь еще не совсем ра-
зорвана связь с произвольным поведением. Следова-
ние моральным требованиям взрослых также еще пол-
ностью обусловлено потребностью в одобрении взрос-
лых. Новое здесь лишь в том, что эта потребность
становится осознанным мотивом, а поведение, удовлет-
воряющее ее, — произвольным, самостоятельным, спо-
собным осуществляться вопреки другим, менее значи-
мым непосредственным побуждениям.

Таким образом, как пишет Л. И. Божович: «...перво-
начально выполнение требуемых норм поведения вос-
принимается детьми как некоторое обязательное усло-
вие для получения одобрения (курсив мой. — Б. Н.) со
стороны взрослых и, следовательно, для сохранения с
ними тех взаимоотношений, в которых ребенок-до-
школьник испытывает огромную непосредственную по-
требность... Однако в процессе развития ребенка выпол-
нение норм поведения, благодаря постоянной связи это-
го выполнения с положительными эмоциональными
переживаниями, начинает восприниматься ребенком как
нечто само по себе положительное. Стремле-
ние следовать требованиям взрослых, а также усвоен-
ным правилам и нормам начинает выступать для ребен-
ка-дошкольника в форме некоторой обобщенной кате-
гории, которую можно было бы обозначить словом
«надо». Это и есть та первая моральная мотивационная
инстанция (курсив мой. — Б. Н.), которой начинает ру-
ководствоваться ребенок и которая выступает для него
не только в соответствующем знании..., но и в непо-
средственном переживании необходимости
поступать именно так, а не иначе»¹⁸. Следование тре-

¹⁸ Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском
возрасте. М., 1969, стр. 243—244.

бованиям взрослых, таким образом, может теперь осуществляться ребенком не только ради награды или одобрения, но и потому, что «так надо», потому, что невыполнение этих требований, как он имел возможность почувствовать на собственном опыте, ведет к различным диссонансам с окружающей действительностью. Это не означает, что в подобном случае одобрение взрослых теряет свою значимость для ребенка: достаточно сказать, что среди упомянутых диссонансов с окружающим миром преобладающее место занимает диссонанс во взаимоотношениях со взрослыми. Однако теперь это одобрение здесь выступает не в качестве самоцели (не оно само по себе движет поступками), а в качестве критерия правильности поведения, его соответствия правилам, которые начинают выступать для ребенка как нечто самодовлеющее.

Появление мотива «так надо» говорит о том, что в сознании индивида в определенной степени проявляется объективно необходимый, общезначимый характер моральных требований, который и служит условием того, что «те требования, которые взрослый предъявляет к людям и к самому ребенку, а также те оценки, которые он при этом дает, постепенно усваиваются ребенком и становятся его собственными (курсив мой. — Б. Н.)»¹⁹. Объективно необходимый характер моральных требований осознается ребенком в той мере, в какой взрослый, предъявляющий ему эти требования, выступает для него не просто как авторитет, которому следует беспрекословно подчиняться, но как носитель истины. Подобно тому, как можно следовать правовым или обычным нормам и при этом руководствоваться моральными мотивами, точно так же и ребенок может следовать требованиям взрослых (иных требований ему просто негде взять) и при этом руководствоваться логикой морали, т. е. быть уверенным, что «так надо» поступать.

Данные конкретных психологических исследований позволяют отнести возникновение специфически моральной мотивации к старшему дошкольному возрасту. Самостоятельное следование моральным требованиям, как мы уже говорили, наблюдается и в младшем дошколь-

¹⁹ Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте, стр. 242.

ном возрасте (3—4 года), но там оно побуждается лишь непосредственными желаниями, эмоциями. Поэтому дети этого возраста выполняют моральные требования лишь по отношению к тем людям, к которым они испытывают непосредственное эмоциональное влечение. И только в старшем дошкольном возрасте выполнение моральных требований начинает распространяться «на более широкий круг людей, с которыми ребенок не находится в непосредственном общении и отношении к которым не основано на его личной привязанности к ним»²⁰. «Если младшие дошкольники были уже способны совершать малоинтересные действия для достижения очень привлекательной для них цели, то старшие дошкольники становятся способными вообще отказаться от заманчивой цели и заняться непривлекательной для них деятельностью, руководствуясь лишь моральными побуждениями»²¹. Появление собственно моральной мотивации в старшем дошкольном возрасте подтверждается и тем, что если у младших дошкольников чувство стыда за свои поступки появлялось лишь тогда, когда их непосредственно пристыдят, и было произвольной отрицательной эмоциональной реакцией на осуждение со стороны взрослых, то теперь наблюдаются самостоятельные проявления чувства стыда²².

С возникновением у ребенка специфически нравственного поведения оценки, применяемые к нему, также становятся специфически нравственными. До этого они имели смысл лишь постольку, поскольку вместе с нравственными предписаниями служили средством, при помощи которого у ребенка формировалась сама способность к специфически нравственной деятельности. Однако до того, как эта способность сформировалась, поведение ребенка целиком является внеморальным и оценки, применяемые к нему, имеют условный характер. С возникновением моральной мотивации поведение расчленяется на три вида: моральное (положительное и отрицательное); объективно морально значимое, но не

²⁰ Р. Н. Ибрагимова. Первые зачатки чувства долга у детей дошкольного возраста. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 11.

²¹ Л. И. Божович. Ук. соч., стр. 245.

²² Е. М. Кульчицкая. К проблеме нравственного развития ребенка. (Развитие чувства стыда у детей дошкольного возраста.) «Вопросы психологии», 1966, № 1, стр. 120.

регулируемое индивидуальным моральным сознанием поведение²³; и внеморальное; а оценка приобретает специфически нравственный характер. Впрочем, в отношении детей дошкольного и даже более старшего (до подросткового включительно) возраста моральная оценка имеет специфически нравственный характер лишь в определенных границах, которые мы сейчас и попытаемся обозначить.

Как уже было сказано, начиная со старшего дошкольного возраста дети осуществляют самостоятельный выбор поступка, руководствуясь теми правилами, которые они получают от взрослых, а также собственными наблюдениями за поведением взрослых. И хотя следование требованиям взрослых и подражание им не является обязательно признаком отсутствия в действиях моральной логики, остается фактом, что дошкольник еще не способен осуществить самостоятельный сознательный выбор тех правил, на основе которых он совершает поступок. Да перед ним такая проблема и не встает, поскольку сами жизненные отношения, в которые он вступает, еще относительно просты, а воздействие, оказываемое на него, обычно еще не имеет противоречивого характера. А если бы даже такая проблема и встала, то ему было бы очень трудно осуществить правильный выбор: его опыт еще очень мал, чтобы дать основания для такого выбора. Поэтому выбор поступка на основе полученных от взрослых правил и образцов поведения является верхом самостоятельности дошкольника, высшей степенью проявления своего «я» во взаимоотношениях с окружающими. Поэтому и моральная оценка может быть применена к дошкольнику лишь в этих пределах, в пределах выбора поступка, но не выбора моральных ориентаций. Дошкольник не может быть ответствен за содержание тех моральных требований, которыми он руководствуется. Здесь ответственность целиком падает на среду и воспитание.

В связи с этим может возникнуть вопрос: если индивид не отвечает за свои моральные ориентации, то как же он может отвечать за поступки, которые совершают-

²³ Напомним, что, согласно нашей точке зрения, о такого рода действиях можно говорить лишь при условии наличия возможности поступать по логике морали. При отсутствии этой возможности поведение имеет внеморальный характер.

ся на основе этих моральных ориентаций? Противоречие? Да, противоречие, но это противоречие реальное, коренящееся в незрелости моральных отношений в этот период, в ограниченности нравственных возможностей индивида. Конечно, в силу того что индивид еще не может отвечать за свои моральные ориентации, и ответственность за поступки является неполной, до известной степени условной.

Кроме того, следует иметь в виду, что такое разделение на ответственность за выбор поступка и ответственность за выбор моральных ориентаций можно провести только в теоретическом плане. На практике же, поскольку выбор моральных ориентаций можно определить лишь по поступкам, человек всегда отвечает только за выбор поступков. Однако ответственность за поступки будет различной в зависимости от того, в какой степени они обусловлены собственной свободной волей индивида, являются ли они реализацией заданных извне ценностных ориентаций или собственных моральных убеждений. Установить эту степень нам и помогает теоретическое различие ответственности за выбор поступка на основе заданных извне моральных требований и ответственности за выбор собственной моральной ориентации. Практически оно означает, что ребенок ответствен за то, как он выполняет то, чему его учат, а не за то, чему его учат²⁴.

Однако и в пределах выбора поступка сфера и степень нравственной ответственности также еще очень ограничены. Тот факт, что в дошкольном возрасте появляется способность руководствоваться моральными мотивами, еще не означает, что теперь ребенок все свое поведение подчиняет этим мотивам. Такой степени развития достигает не каждый взрослый. Что же касается дошкольника, то в его поведении очень велик процент действий, не регулируемых его моральным сознанием.

²⁴ Касаясь вопроса формирования личности в онтогенезе, Гегель в «Философии духа» писал: «...он (ребенок.—Б. Н.) должен повиноваться, чтобы научиться повелевать. Послушание есть начало всякой мудрости, ибо благодаря ему воля, еще не познающая истинного и объективного, еще не делающая их своей целью и именно потому еще не подлинно самостоятельная и свободная (курсив мой.—Б. Н.), а скорее еще неокрепшая воля допускает определение себя приходящей извне разумной волей и эту последнюю делает постепенно своей» (Гегель. Соч., т. III. М., 1956, стр. 92).

Моральный фактор здесь еще очень слаб вследствие небольшого объема моральных знаний, а также недостаточного умения соотносить уже известные ему нормы с конкретной ситуацией. Как плохие, так и хорошие (объективно) поступки часто совершаются ребенком неосознанно, без понимания их морального значения и смысла. По мере расширения нравственного кругозора, наполнения моральных понятий новым содержанием, формирования новых, более сложных моральных понятий расширяется и сфера нравственной ответственности субъекта. То, что было простительно дошкольнику и младшему школьнику, вызывает осуждение в отношении подростка, а то, за что еще трудно было судить подростка, в полной мере спрашивается со старшего школьника. Таким образом, степень нравственной ответственности складывается из конкретного соотношения возможностей индивида и реализации им этих возможностей.

Критерием же нравственной ответственности является то, насколько полно субъект сумел реализовать свои возможности.

Рассмотрим кратко те этапы, которые проходит индивид на пути дальнейшего своего нравственного развития, этапы, каждый из которых знаменуется новым увеличением нравственных возможностей индивида, созданием предпосылок к переходу на новый уровень нравственного развития — уровень сознательно выбранных моральных ориентаций.

С поступлением в школу в жизни ребенка происходят серьезные изменения, связанные прежде всего с осознанием его нового социально-значимого положения, с новым отношением к нему взрослых. Эти факторы дают толчок дальнейшему развитию его самостоятельности.

Важным новообразованием этого периода является тот факт, что если раньше единственным показателем моральной правильности поступка было мнение и поведение взрослых, то в 3—4-м классе к нему добавляется мнение школьного коллектива, в котором стихийно складываются свои нормы поведения.

Получает свое дальнейшее развитие произвольность поведения, вследствие чего оно становится более устойчивым, а это, в свою очередь, ведет к тому, что здесь

уже можно говорить о зарождении моральных качеств, т. е. устойчивых черт характера, воплощающих в себе те или иные моральные нормы. В силу еще слабой выраженности этих качеств, а также недостаточной степени развития самосознания, младшие школьники еще не могут осознать свои качества и соотнести их со своими поступками. Хотя в отношении других людей они эту операцию уже могут проделать, т. е. определенные предпосылки для осознания своей личности (своих качеств) как причины своих поступков у них уже имеются²⁵.

Умение видеть причину своих поступков в самом себе (условие формирования самооценки и возникновения самовоспитания) вырабатывается лишь в подростковом возрасте. Это связано прежде всего с тем, что сами моральные качества в этом возрасте приобретают более отчетливый вид. Индивид обращает внимание на них и пытается их понять. Вот почему лишь с этого возраста возникает интерес к своему внутреннему миру, потребность в самоанализе. С этим связан и тот факт, что подростки чрезвычайно обостренно воспринимают оценки их личности со стороны окружающих, как взрослых, так и сверстников. И что особенно важно, оценки последних приобретают для них не меньшее, а даже большее значение.

Причины этой переориентации, знаменующей новый этап в нравственном развитии школьника, заключаются в том, что если в младших классах школьный коллектив представляет собой в известной мере формальную группу без сложившихся внутренних связей и зависимостей (такие связи лишь начинают складываться, как уже было сказано, лишь в 3—4-м классе), то 5-й класс — это уже сформировавшийся коллектив со своими, стихийно выработавшимися взаимосвязями и нормами поведения. Поскольку каждый школьник теперь занимает определенное место в коллективе (которым он может быть доволен или нет), поскольку каждый школьник теперь зависит от всего коллектива, оценки сверстников и их поведение приобретают для него огромное значение. Это, в свою очередь, приводит к тому, что оцен-

²⁵ См. Л. И. Рувинский. О сущности процесса самовоспитания. «Вопросы психологии», 1968, № 5, стр. 112.

ки и мнения взрослых уже не занимают того места, которое они имели раньше.

Развитие самостоятельности подростка в немалой мере стимулируется и тем чрезвычайно важным, на наш взгляд, обстоятельством, что с 5-го класса обучение и воспитание школьников осуществляется не одним, а несколькими учителями. А это, как правило, означает, что школьник «уже не испытывает полного единства требований. Он начинает сталкиваться с различной оценкой, которую взрослые дают явлениям окружающей жизни, а также их собственному поведению... и, что самое главное, им самим, ... их личности»²⁶. Это создает объективную возможность выбора моральных ориентаций, возможность, которой не было у дошкольника и даже младшего школьника, и побуждает подростка вырабатывать свои собственные оценки и самооценки.

Эта объективная необходимость формирования собственных взглядов и субъективное осознание своих возросших умственных и физических возможностей вызывает у подростка ярко выраженное стремление к самостоятельности, что отмечается как наиболее характерное новообразование этого периода²⁷. Поэтому всякие посягательства со стороны взрослых на самостоятельность подростка очень остро им переживаются²⁸.

Однако (и тут мы переходим к характеристике основного противоречия этого возраста) та самостоятельность, к которой стремится подросток, вступает в несоответствие с теми возможностями, которые у него имеются. Ограниченность этих возможностей выражается в том, что недостаток опыта, объективное социальное положение, уровень развития абстрактного мышления не позволяют ему выработать моральное мировоззрение, собственные моральные убеждения и самому организовать возникающий в этом возрасте процесс самовоспитания. Уровень обобщения поступков в понятие морального качества хотя и становится несравненно выше, чем раньше, вследствие развития абстрактного мышления (которое получает сильный толчок начиная с 5-го клас-

²⁶ Л. И. Божович. Ук. соч., стр. 294.

²⁷ См., например, Т. В. Драгунова. Психологические особенности подростка: «Советская педагогика», 1972, № 8, стр. 81—82.

²⁸ См. П. М. Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969, стр. 30.

са, когда дети вплотную приступают к изучению основ наук), все же остается еще недостаточным. Подростки обычно жестко связывают наличие у них того или иного качества с совершением каких-то конкретных поступков. По этой же причине они чаще всего оценивают человека лишь по предметному результату его действий, игнорируя или недооценивая мотивы поступка²⁹. Это свидетельство недостаточной осознанности моральных качеств, непонимания основного, существенного признака того или иного качества. Следовательно, определение моральных качеств в сознании подростка имеет случайный, ситуативный характер. Поэтому и воспитание у себя моральных качеств (самовоспитание) имеет неосознанный и ситуативный характер³⁰, вследствие чего оно нуждается в тактичном, незаметном для их глаз руководстве со стороны взрослых. Таким образом, «уровень развития моральной сферы подростков, где еще нет стойких нравственных убеждений, где обобщенные идеалы и устойчивая самооценка начинают складываться лишь к концу возрастного периода, не может полностью обеспечить сознательного управления своим поведением (курсив мой. — Б. Н.)»³¹.

Подобные «ножницы» между стремлением к самостоятельности и возможностями удовлетворения этого стремления, отсутствие собственных сознательно выработанных моральных ориентаций приводят к тому, что желая быть независимым у подростка часто оборачивается зависимостью от всяких внешних случайных влияний и в основном зависимостью от мнения сверстников. Это объясняется еще и тем, что само стремление к независимости в сознании подростка сопряжено прежде всего с независимостью от взрослых. Вот почему в этом возрасте часто негативизм в отношениях со взрос-

²⁹ См. Т. В. Рубцова. Особенности осознания моральных свойств личности школьниками. «Вопросы психологии», 1956, № 4, стр. 87, 89.

Здесь, как и во многих пунктах (например, упомянутое ранее расширение круга лиц, на которых ребенок распространяет моральные отношения), наблюдается известная аналогия с процессом развития нравственности в филогенезе. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

³⁰ См. Л. И. Рувинский. Ук. соч., стр. 115.

³¹ Л. И. Божович. Ук. соч., стр. 398.

лыми, в некоторых случаях даже «бунт» против них, сочетается с жестким конформизмом в среде сверстников³².

Подросток уже способен понять несоответствие принципов взаимоотношений, которыми руководствуются взрослые между собой, тем правилам, на основе которых взрослые строят свои отношения с подростками. Если раньше одной из важнейших норм «детской морали» было: «надо всегда слушаться старших», то теперь происходит осознание того, что эта норма в условиях «взрослой морали» равенства не имеет специфически нравственного характера. Младший школьник этого противоречия не замечал, вернее, оно не представлялось ему как противоречие. Возможности подростка по сравнению с младшим школьником возросли ровно настолько, чтобы осознать это противоречие, но не настолько, чтобы разрешить его.

Итак, особенность подросткового возраста, который совершенно справедливо называют переходным возрастом, заключается в том, что подросток — уже не ребенок, но еще не взрослый. Не ребенок — по своим устремлениям, не взрослый — по своим объективным возможностям. Это основное противоречие подросткового возраста одновременно является и основным условием, предпосылкой для перехода на новый, более высокий уровень нравственного развития личности, который совершается в юношеском возрасте.

Юность — пора, когда человек стоит на пороге самостоятельной жизни. Такое объективное положение накладывает отпечаток на всю его психику, кардинально меняет его отношение к жизни, к своим поступкам. Человек начинает осознавать свою ответственность перед обществом, более трезво оценивать себя и окружающих. Необходимость самостоятельного выбора жизненного пути в сознании юноши означает не только необходимость выбора профессии, но и необходимость самостоятельного выбора моральных ориентаций. Причем часто эти два выбора в сознании личности сливаются, поскольку выбор профессии — это одновременно и выбор того

³² См. И. С. Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 84—85.

места, где личность может принести наибольшую пользу обществу.

Далее. Рамки его жизневосприятия раздвигаются за пределы той микросреды, к которой он был раньше довольно жестко привязан и чьи ценностные ориентации были чаще всего и его ценностными ориентациями. Он все чаще и чаще сталкивается с противоречиями окружающей действительности, с неоднозначными, а часто и противоречивыми оценками.

Все эти факторы, вместе с возросшими психическими возможностями индивида и прежде всего со сформировавшимся в течение подросткового возраста мышлением в понятиях, обуславливают переход к сознательному выбору моральных ориентаций, формирование мировоззрения — своих *собственных* взглядов на мир и место в нем человека. С позиций этих *собственных* взглядов человек заново пересматривает весь свой образ жизни, стихийно сложившиеся или воспитанные в нем ценностные ориентации. Раньше такая задача перед ним почти не вставала. Те моральные ориентации, которыми он руководствовался, казались ему чем-то само собой разумеющимся не в силу их глубокого осознания (как это может позже иметь место), а, наоборот, в силу их недостаточной осознанности. Теперь эти моральные ориентации критически переосмысливаются на основе нового жизненного опыта и формирующегося мировоззрения. В этот период человека не столько волнует вопрос, как поступить в том или ином случае, сколько вопрос, как вообще себя вести. Если раньше правильным поступком он считал тот, который совершался «в соответствии с правилами», то теперь возникает необходимость убедиться в правильности самих правил. Этот возраст можно по праву назвать периодом «переоценки ценностей». В результате такой переоценки некоторые ценностные ориентации отбрасываются, другие приобретают новое объективное значение и личностный смысл.

Сознательно выбрав свои моральные ориентации, т. е. выработав собственные убеждения, личность становится способной взять дело собственного воспитания полностью в свои руки. Процесс самовоспитания становится сознательно организованным целенаправленным процессом. Личность теперь понимает, что недостаточно однажды поступить честно, чтобы *стать* честным: необ-

ходимы тщательная работа над собой, постоянный самоконтроль с целью выработать у себя определенную моральную «установку», которая бы срабатывала в соответствующих ситуациях и не допускала бы нечестных поступков. В результате поведение личности становится более устойчивым. В этом возрасте человека уже недостаточно просто изолировать от вредных воздействий среды (что могло привести к успеху в более раннем возрасте): его надо *убедить*. Разумеется, и раньше индивид не был целиком лишь объектом внешних воздействий, продуктом среды. Если бы это было так, нельзя было бы вообще до юношеского возраста говорить о морали. Уже с дошкольного возраста у человека формируются определенные моральные ориентации (внутренние «моральные инстанции»), которые дают ему относительную независимость от внешних воздействий. Среда, воспитание оказывают с этого момента свое влияние, преломляясь через эти моральные ориентации. Но (и в этом суть) хотя особенностью моральных ориентаций является то, что они принимаются как свои собственные на основе стихийного, интуитивного осознания их необходимости, не следует забывать, что они воспитываются в ребенке, а не формируются им самим. В этом основное различие указанных уровней нравственного развития.

Способность сознательно выбирать моральные ориентации и в соответствии с ними формировать свои моральные качества резко расширяет сферу нравственной ответственности личности. Если раньше в силу объективных причин (возможности субъекта) сфера действия нравственной ответственности ограничивалась выбором поступка, то теперь человек становится способным, а следовательно, и обязанным взять на себя ответственность и за выбор моральных ориентаций. Если раньше за совершенный индивидом проступок или даже преступление большая часть вины (а то и вся вина) падала на среду и воспитание, то теперь объяснять все только этими факторами не приходится. Не случайно именно в этот период происходит фиксация того «момента» (совершеннолетие), к наступлению которого личность способна достигнуть социально-нравственной зрелости.

Разумеется, с юностью не заканчивается нравственное развитие личности. Оно продолжается практически

всю жизнь, но именно с этого возраста нравственное развитие личности уже может происходить на устойчивой почве моральных убеждений³³.

С переходом личности к сознательному выбору моральных ориентаций качественно меняется и уровень выбора поступков. Теперь поступок совершается на основе сознательно выбранных моральных ориентаций. Это не означает, что теперь полностью исчезают поступки, совершаемые под влиянием стихийно формирующихся ценностных ориентаций. Однако с появлением возможности сознательного выбора моральных ориентаций такого рода поступки теряют специфически нравственный характер. В собственно моральной сфере мы имеем теперь две реальности: 1) сознательный выбор моральных ориентаций, иными словами, выбор «стратегии» поведения (своего рода «теоретическое» моральное сознание) и 2) выбор поступка на основе этих моральных ориентаций, т. е., можно сказать, выбор «тактики» поведения («практическое» моральное сознание).

Рассмотрим теперь некоторые философско-этические проблемы, связанные с выбором моральных ориентаций и моральных поступков.

§ 3. Уровень сознательного выбора личностью моральных ориентаций (Роль этики в формировании морального сознания)

Любой выбор, в том числе и выбор моральных ориентаций, предполагает какое-то основание, причины. И хотя основания выбора не всегда актуально осознаются личностью, они всегда существуют и воздействуют на

³³ По-видимому, нет нужды говорить, что описанная нами на основе имеющихся психологических данных картина нравственного развития личности представляет собой лишь идеальную модель, отражает лишь типичные, усредненные показатели для каждого возрастного периода. Что же касается индивидуальных различий, то они могут быть очень и очень значительны. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что даже эти усредненные показатели не являются чем-то раз и навсегда данным. Они получены на основе изучения формирования личности в советском обществе при существующих ныне системе и методах воспитания.

психику субъекта. Их поиск может осуществляться разными способами и на разных уровнях³⁴.

Эмпирический способ обоснования моральных ориентаций является наиболее распространенным и эффективным, ибо в конце концов лишь собственный опыт может убедить человека в правильности или неправильности тех или иных норм. Только здесь, в непосредственной практике, достигается единство личностного смысла и объективного значения моральных требований. До юношеского возраста собственный эмпирический опыт мог лишь дать почувствовать субъекту необходимость выполнения тех или иных норм. Проблема же рационального осознания оснований этих норм перед ним еще не вставала. Иное отношение к эмпирической практике возникает в юношеском возрасте. Теперь субъект рассматривает практику не просто как сферу, где можно применить свои моральные ориентации, но и как сферу, где их можно проверить.

Если же по каким-то причинам эмпирический опыт субъекта не дает ему достаточно убедительных доказательств необходимости той или иной нормы, то здесь может помочь логический способ обоснования моральных ориентаций, который означает мысленное сопоставление той или иной нормы с другими нормами и принципами данной системы моральных ценностей и установление их непротиворечивости. По мере нравственного развития личности ее моральное сознание пополняется новыми понятиями, которые часто обосновываются при помощи уже известных, а иногда и прямо выводятся из них как более частные из более общих. Опираясь на положения, уже ставшие для субъекта бесспорными, можно логически доказать ему правомерность и некоторых других, еще не освоенных им норм.

Однако чисто логический способ доказательства имеет ограниченную сферу действия: он может применяться лишь в рамках какой-то одной непротиворечивой

³⁴ Так, например, В. П. Кобляков выделил три уровня, на которых может осуществляться обоснование моральных норм: 1) эмпирический, 2) логический и 3) научно-теоретический. См. В. П. Кобляков. Об истинности моральных суждений. «Вопросы философии», 1968, № 5, стр. 69—70. Целесообразность этой схемы подтверждается и в практике психологических исследований. См. А. В. Зосимовский. Проблема доказательности в моральном просвещении старшеклассников. «Советская педагогика», 1972, № 8.

системы моральных ценностей при условии, что некоторые из основополагающих ценностей этой системы уже приняты личностью. Когда же встает вопрос о правомерности самих основополагающих ценностей, т. е. о правомерности всей данной системы ценностей, то чисто логический способ оказывается недостаточен. Решение вопроса становится возможным лишь на научно-теоретическом уровне, который предполагает обоснование той или иной системы моральных ценностей путем апелляции к социально-историческим закономерностям, тенденциям развития общества.

Научно-теоретический уровень обоснования моральных ориентаций представляет для нас особый интерес, поскольку сама возможность научного обоснования моральных требований отрицается многими современными буржуазными теоретиками. Так, например, одна из видных буржуазных этических школ, эмотивистская школа, в соответствии со своими неопозитивистскими методологическими принципами считает, что, поскольку моральные суждения (суждения «ценности») не отражают никаких эмпирически воспринимаемых фактов, а выражают лишь чувства говорящего, то к ним неприменимы понятия истинности и лжи³⁵. А так как наука имеет дело лишь с «фактами», то нет смысла искать в ней ответа на те или иные моральные вопросы, пытаться обосновать превосходство одной моральной системы над другой. «Аргументы в тех или иных моральных вопросах возможны только в том случае, если спор идет в рамках одной системы ценностей»³⁶, ибо тогда это уже спор о «фактах», а не о «ценностях». Сами же эти ценности не могут быть выведены из фактов. Отсюда следует, что в выработке нравственных убеждений моральное сознание не может рассчитывать на помощь науки, ибо такой науки, занимающейся содержательными нравственными вопросами, согласно эмотивистам, просто не существует и не может существовать, а следовательно, ни о каком уровне научно-теоретического обоснования моральных ориентаций не может быть и речи. Самое большее, что может сделать наука в области моральных явлений, это дать их описание, до известной степени систематизиро-

³⁵ А. Аюер. Philosophical essays. L., 1968, pp. 231, 238.
³⁶ А. Аюер. Language, truth and logic. L., 1952, p. 111.

ванное (социология и психология морали), а также логически проанализировать моральные суждения (метаэтика). Дело же различения добра и зла отдается на откуп обыденному нравственному чувству.

Проследим, как решается вопрос о соотношении «фактов» и «ценностей» в науке и социальной практике с марксистских позиций.

Известно, что факты, открываемые наукой (естественной или социальной), могут иногда противоречить уже сложившимся моральным оценкам, т. е. отдельные открытия могут не удовлетворять нравственные чувства субъекта. В антагонистических обществах неугодные господствующему классу открытия (например, открытия Коперника, Галилея) вызывали гонения на их авторов, попытку замолчать эти открытия или отрицать их научную ценность. Факт, таким образом, приносился в жертву ценности. По этой же причине, например, марксизм подвергается яростным нападкам со стороны буржуазных идеологов. Поскольку факты, открытые марксизмом, находятся в антагонистическом противоречии с основополагающими ценностями буржуазного общества, буржуазные идеологи пытаются обосновать несостоятельность марксизма тем, что, с одной стороны, просто отрицают факты, им открытые, а с другой стороны, судорожно цепляются за факты, отвечающие их ценностным ориентациям, и придают этим фактам значение, которого они явно не заслуживают. Преходящие, временные явления облекаются в форму вечного, неизблемого закона развития общества. Черты буржуазного индивида выдаются за сущность личности вообще. Таким образом, как бы буржуазные теоретики ни старались казаться объективными (и даже сами были бы искренне уверены в своей объективности), они вынуждены (сознательно или бессознательно) подгонять факты под свои ценностные установки.

Отличительной же чертой марксизма как учения, заинтересованного в истине, является то, что он точку зрения ценности подчиняет точке зрения факта. Согласно позиции марксистской науки, факты служат той основой, на которой формируются ценности. Это не значит, что оценке не придается сколь-нибудь существенного значения и что она должна всегда лишь приспособливаться к фактам. В социальной практике конфликт

факта с его оценкой в общем плане может разрешаться различно, в зависимости от того, насколько данный факт не случаен, насколько он выражает существенные черты действительности, в зависимости от того, какое положение он занимает в ряду других, противоречащих ему фактов (не все из которых могут быть уже известны). Если данный факт имеет существенный, закономерный характер, то он в конце концов получает оправдание и положительную оценку. Тем самым конфликт разрешается в пользу факта, и, если нет к тому особых препятствий классового, идеологического или какого-либо другого порядка, т. е. если субъект заинтересован в истине, происходит «переоценка ценностей». Возможен, однако, и другой, в принципе противоположный способ решения данного конфликта. Оценка может взять верх в том случае, если наличествуют или нарождаются более существенные факты, соответствующие тем ценностям (нравственным принципам), на которых базируется данная оценка. Именно в этом Ф. Энгельс видел прогрессивную роль морали, говоря о том, что «если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым»³⁷.

Таким образом, диалектика взаимодействия фактов и ценностей в социальной практике такова, что, будучи сформированными на основании фактов, представляют из себя обобщение фактов, ценности начинают оказывать обратное влияние на факты, начинают судить эти факты. И теперь уже отдельные эмпирические и конкретно-научные факты могут оказывать свое воздействие на ценностные ориентации не прямо, а опосредованно, преломляясь через призму ценностных установок личности, будучи осмыслены с позиции той или иной системы ценностей.

Однако то, что играет огромную роль в социальной практике (подход к фактам с позиции морали), имеет весьма ограниченное значение в науке. «...Апелляция к морали и праву в научном отношении несколько не под-

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 184.

выигает нас вперед; в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, ... наука может усматривать не доказательство, а только симптом»³⁸. Это относится как к естественным, так и к социальным наукам. Особенное значение это положение имеет для социальных наук, где фактов, вторгающихся в сферу морали, гораздо больше, чем в естественных науках, и здесь особенно велика опасность вольной или невольной подмены научного анализа выражением собственных моральных чувств, т. е. морализацией. Это не означает, что ценности и оценки вообще не должны интересовать науку, а ценностный подход ей противопоказан. Моральная оценка, как и любое иное социальное явление, может быть объектом научного анализа. Но если для науки обыденная моральная оценка является объектом, исходным пунктом, который еще нужно объяснить на основе всей совокупности социальных (и прежде всего материальных) фактов, то для деятельного субъекта обычно вполне достаточно такого аргумента, как собственное нравственное чувство. В науке же это нравственное чувство должно быть обосновано фактами. Фактами, понимаемыми, разумеется, не как лишь эмпирические факты, а, скорее, как определенные социальные закономерности.

Признание оценки в качестве объекта научного анализа еще, однако, не влечет за собой признания ценностного (оценочного) подхода в науке. Последний означает конституирование моральной оценки не только в качестве объекта анализа, но и в качестве собственно научного суждения, научного вывода. Можно ли увидеть моральные оценки в науке в таком качестве? Конечно. Формулирование обоснованных моральных оценок и норм поведения всегда было основной задачей моральной, или, как еще ее называли, практической, философии. Этика, и прежде всего ее завершающая, итоговая часть — нормативная этика, — формулируя моральные требования, говорит с человеком «на языке его собственной, внутриличностной моральной жизни»³⁹. Последнее обстоятельство, видимо, и явилось психологической

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 153.

³⁹ А. И. Титаренко, Г. Ф. Карвацкая, В. А. Титов. Этика: проблемы и перспективы. «Философские науки», 1972, № 4, стр. 148.

причиной, побудившей эмотивистов отрицать научный характер нормативной этики. В трактовке моральных оценок как чего-то в принципе ненаучного эмотивистов подвели и неопозитивистские методологические установки, согласно которым наука занимается лишь тем, что может быть непосредственно эмпирически верифицировано. Моральные оценки, действительно, не являются простым отражением эмпирических фактов, но это еще не значит, что они не имеют объективно необходимого характера. Не добавляя к субъекту (подлежащему) морального суждения ничего нового в смысле эмпирически воспринимаемых фактов, моральные предикаты добавляют, однако, знание гораздо более широкое, чем констатация непосредственно воспринимаемых фактов. Моральные предикаты являются наиболее общими понятиями, отражающими тенденции социально-исторического развития, весь социальный опыт человечества, которое на протяжении истории убедились, что, скажем, убийство — это зло. Моральная оценка, следовательно, — это сопоставление конкретного факта, выраженного в субъекте (подлежащем) морального суждения, с той или иной социально-исторической закономерностью. Положительная или отрицательная моральная оценка — это в конечном счете не что иное, как установление соответствия или несоответствия данного факта тенденциям социально-исторического развития.

Разумеется, далеко не всегда такое сопоставление осуществляется в рационально-теоретическом виде или даже сознательно. Оценка в обыденном моральном сознании, действительно, чаще всего является выражением нравственных чувств, осознанных или неосознанных. Раскрыть же то объективное содержание, от которого зависят нравственные потребности субъекта, а следовательно, и его чувства — задача этики. В этом случае моральная оценка поднимается на научный уровень, становится этической оценкой, научным выводом нормативно-оценочный ракурс сливаются воедино, в общем движении этических и моральных понятий»⁴⁰.

⁴⁰ А. И. Титаренко, Г. Ф. Карвацкая, В. А. Титов. Этика: проблемы и перспективы. «Философские науки», 1972, № 4. стр. 148.

Этическая оценка, как и всякая другая научная оценка, — это всегда теоретическое обобщение. Но в отличие от оценок частных наук (как естественных, так и социальных) это предельно широкое обобщение, характерное для философской науки. Частные науки не могут сформулировать смысл и цели человеческой жизни, ее нравственные принципы, ибо решение этих вопросов требует особого, философского подхода с его широкими обобщениями, с его цельным взглядом на окружающий природный и социальный мир, на место человека в этом мире, согласно которому (этому месту) и формулируются нравственные цели и оценки. Данные частных наук могут только накладывать свой отпечаток на моральную оценку, не влияя прямым образом на те нравственные принципы, из которых исходит и на которые опирается моральная оценка. Поскольку на поведение человека оказывают влияние не только моральные факторы, но и психологические, физиологические, генетические и т. д., то моральная оценка поведения не может их не учитывать. И здесь данные естественных и социальных наук могут служить существенным подспорьем для моральной оценки. Конкретно-научные знания помогают прояснить смысл ситуации, применительно к которой конкретизируется тот или иной нравственный принцип, т. е. совершается моральная оценка, определить мотивы субъекта, меру его ответственности. Короче говоря, частные науки оказывают непосредственное влияние не на само содержание моральных норм, принципов, а на способ обращения с этими принципами, помогая правильно и умело давать моральную оценку. Когда же речь заходит о самих нравственных целях, для достижения которых мы со знанием дела употребляем те или иные средства, то эти вопросы некомпетентна решать ни одна частная наука. Это прерогатива этики.

Часто назначение этики усматривается лишь в том, что этика должна обосновывать уже существующие, рожденные в общественной практике нормы и принципы поведения и тем самым давать уверенность личности, придерживающейся этих норм и принципов, в правильности своего поведения. Однако этика, как и всякая другая наука, должна выполнять определенную прогнозирующую функцию. На основании изучения нравственных норм и принципов в различных обществах на различных

этапах их развития, их объективной экономической обусловленности, анализа взаимозависимостей между нравственными отношениями и нравственным сознанием, а также между нравственностью в целом как единством моральных отношений и морального сознания и другими сторонами жизни, на основании изучения различных этических учений — на основании всего этого этика должна определять тенденции развития нравственных отношений и нравственного сознания. Теория дает обыденному сознанию, таким образом, перспективу его развития. И если даже реальные условия еще не позволяют развернуться в полную силу тем тенденциям, которые сформулированы в теории, тот факт, что обыденное сознание получило как бы установку на определенное направление своего развития, облегчит и ускорит формирование этих тенденций тогда, когда для них будет создана реальная практическая основа.

И наконец, последнее.

Отдавая должное нормативной этике как высшему уровню морального знания, следует все же иметь в виду, что это еще только *знание*, которое, каким бы оно правильным ни было, само по себе еще не обеспечивает формирования соответствующего морального сознания. И хотя «способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание*»⁴¹, оно (сознание) не сводится только к знанию. Знание, или, как скажут психологи, «*значение*», — это та сторона сознания, которая представляет собой момент «незаинтересованного» отражения действительности, отражения действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека⁴². В силу такого характера отражения содержание отражения может никак не затрагивать лично человека, не побуждать его деятельность, даже если человек понимает это содержание, т. е. владеет соответствующим знанием, «*значением*». Может быть и такое положение, когда человек следует моральному требованию, понимая его объективную необходимость, но следует ему чисто формально, не испытывая в том никакой внутренней потребности. Такой

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 633.

⁴² См. А. И. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. «Известия АПН», вып. 7, 1947, стр. 26.

выбор, хотя он и осуществляется со знанием объективной необходимости, нельзя называть свободным, а следовательно, нравственным⁴³. Подобное поведение не может быть устойчивым.

Для того чтобы моральное знание стало регулятором поведения человека, мотивом его деятельности, необходимо включить это знание в систему реальных жизненных отношений данной личности, т. е. необходимо, чтобы его знание приобрело для человека *личностный смысл*. Психологически смысл — это «та сторона сознания индивида, которая определяется его собственными жизненными отношениями... По отношению к познавательным процессам смысл является тем, что делает эти процессы не только направленными, но и *пристрастными*»⁴⁴ (курсив мой. — Б. Н.). Причем следует заметить, что для нравственного сознания характерным является единство личностного смысла моральных требований с их объективным «значением»⁴⁵. Это означает, что моральные требования выполняются личностью не ради того, чтобы, скажем, избежать наказания или получить одобрение, а ради них самих, ради заключенной в них объективной необходимости.

Таким образом, нравственное воспитание будет успешным лишь в том случае, если удастся добиться не только того, чтобы личность адекватно усвоила «значение» моральных требований, но и того, чтобы эти требования приобрели соответствующий «значению» личностный смысл. Если этот последний момент будет упущен, то моральное требование или будет выполняться, как мы уже отметили, не ради него самого, а ради каких-то побочных целей, или останется для личности чем-то посторонним, не влияющим на ее поведение. В результате усвоение моральных требований часто оказывается внешним, формальным. Так, например, как показывают конкретные социологические исследования,

⁴³ См. А. Г. Мысливченко. О внутренней свободе человека. В сб.: «Проблема человека в современной философии». М., 1969, стр. 256.

⁴⁴ А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения, стр. 31. См. также: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, 3-е изд. М., 1972, стр. 288—293.

⁴⁵ См. Л. И. Рувинский. О специфике управления нравственным формированием личности. В сб.: «Проблема управления процессом формирования личности». М., 1972.

проведенные среди рабочих, «зачастую осуждение нарушений трудовой дисциплины сочетается с весьма благодушным отношением к нарушителям в конкретных случаях»⁴⁶.

Чтобы избежать такого формального принятия моральных требований, необходимо в моральном просвещении сочетать все три указанных способа (уровня) обоснования моральных требований, уделяя особое внимание эмпирическому способу. Иначе говоря, теоретически обоснованные моральные положения должны подкрепляться фактами из реальной жизненной практики, примерами, близкими, понятными и убедительными для объекта воспитания. Надо всегда уметь показать связь того или иного морального принципа с повседневной обыденной жизнью индивида, раскрыть смысл этого морального принципа лично для индивида.

Но самое главное, поскольку смысл — это та сторона сознания, которая определяется реальными жизненными отношениями индивида, необходимо организовать жизнедеятельность индивида так, чтобы отношения, складывающиеся у него в процессе этой жизнедеятельности с другими людьми, побуждали его действовать в определенном, заданном целях воспитания направлении.

§ 4. Уровень сознательного выбора личностью конкретных поступков

Вооружившись своими сознательно выбранными моральными принципами, юноша стремится реализовать их в жизни. И тут он иногда вдруг обнаруживает, что это не так просто, как ему поначалу казалось. Он часто оказывается беспомощным в практике взаимоотношений с окружающими людьми. Его попытки реализовать свои моральные убеждения часто или вообще не приносят желаемого результата или оказываются очень неуклюжими. В своих неудачах юноша часто склонен винить только окружающую действительность, которая, как он

⁴⁶ Е. А. Якуба. Нравственное и правовое регулирование общественной активности коллектива предприятия. В сб.: «Социальное управление, планирование, прогнозирование». (Материалы к VII Межд. соц. конгрессу). Киев, 1970, стр. 137.

уже убедился, далека от совершенства. В поступках окружающих людей, в самих реальных жизненных отношениях он усматривает много того, что не соответствует его принципам и идеалам. Подобное столкновение с действительностью часто приводит к отказу от своих прежних идеалов, который выражается в позиции нигилизма, скепсиса или, что еще хуже, приспособленчества.

В чем причины этого явления? В том ли, что идеалы слишком «идеальны», недостижимы? Или может быть в том, что личность еще не осознала того факта, что готовых идеалов в жизни не бывает, что за свои идеалы еще нужно бороться, и бороться умеючи? Скорей всего справедливо второе. Недостаточно выработать правильные моральные ориентации, недостаточно поставить перед собой правильную общую цель, необходимо найти и соответствующие конкретные средства для ее достижения⁴⁷. Сами моральные цели в юности еще очень абстрактны, в силу чего личность часто не может увидеть в реальной жизни проявления тех принципов, которых она стремится придерживаться, правильно определить нравственное значение конкретной ситуации. Это происходит еще и потому, что моральное сознание юноши еще недостаточно диалектично: он часто подходит к оценке конкретной ситуации с позиции какой-то одной моральной нормы, не учитывая того, что здесь могут сталкиваться сразу несколько норм. Чрезмерная абстрактность некоторых моральных принципов является следствием того, что субъект усвоил в основном их значение, но они не приобрели для него еще в полной мере *личностного смысла*, не опредметились в его реальной жизненной практике. Поэтому если до юношеского возраста развитие морального сознания шло в основном по линии обобщения отдельных поступков, выделения в них общих существенных черт, фиксируемых в моральных понятиях, то начиная с юношеского возраста преобладающей становится обратная линия: от общих моральных понятий к конкретному поступку. Это восхождение от абстрактного к конкретному оказывает

⁴⁷ Этот момент часто и совершенно правильно подчеркивается в этической литературе В. И. Бакштановским. См., например, написанную им совместно с И. М. Клямкиным статью «Возможность выбора и способность выбирать». (В сб.: «Высшие ценности». М., 1971).

ся не менее трудным, чем первичное восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, но каждый такой переход представляет собой еще один шаг в нравственном развитии личности.

Проблема выбора поступка на основе принятой моральной ориентации часто встает как проблема выбора средств для достижения моральной цели. На этом аспекте проблемы мы сейчас и сосредоточим внимание.

Проблема выбора средств не является чем-то внешним по отношению к моральным проблемам, как считал, например, Кант, резко разграничивая категорический и условный императивы. Цели и средства неразрывно связаны между собой. Любая цель может быть достигнута при помощи определенных средств, и то, какого характера средства будут использованы, в немалой степени повлияет и на саму цель. Так, использование негодных в нравственном отношении средств для достижения хорошей цели может или дискредитировать в глазах других эту цель, или породить терпимое отношение к подобным средствам, приближающееся к известной формуле: «цель оправдывает средства». Такое же взаимовлияние цели и средства испытывают и в случае отрицательной цели. Тот факт, что человек может преследовать узкоэгоистические, карьеристские цели, совершая вполне благопристойные и даже весьма полезные дела, способен вызвать сомнение: а можем ли мы осуждать такого человека и, собственно, за что? И даже возникает предположение: если эгоизм, честолюбие порождают столь полезные дела, и к тому же субъект их «в ладу с моралью», т. е. внешне не вступает в конфликт с моральными требованиями, то так ли уж плохи эти мотивы и не следует ли их формировать в себе?

Если же эти полезные результаты окажутся неспособными изменить отрицательную оценку преследуемой с их помощью цели, то не исключено, что изменится оценка средств. Например, если для достижения своих неблагоприятных целей человек присваивает себе соавторство научной работы, то этот факт может вызвать неправомерную отрицательную оценку соавторства вообще, применительно к тем случаям, где оно не является неизбежным условием работы.

Проблема выбора целей является основной проблемой морального сознания. Но когда эти цели поставле-

ны, на первый план выступает проблема выбора соответствующих цели средств, или, что то же самое, проблема выбора конкретных поступков.

Выбор соответствующих средств осуществляется по двум основным критериям. 1) Средства должны соответствовать цели в *нравственном* отношении: нравственная цель не может быть достигнута безнравственными средствами. Это правильное, в общем, положение нуждается в существенной конкретизации с учетом того, что не всегда существует возможность выбора между добром и злом, и тогда нравственным долгом будет выбор средства, представляющего собой меньшее зло. 2) Средства должны соответствовать цели, так сказать, в *операционном* отношении, что предполагает наличие у нравственного субъекта определенных знаний и умений. Несоответствие средств целям в этом отношении, так же как и в первом, приведет к тому, что цель не будет достигнута, т. е. мотив не совпадет с результатом. Как говорил Демокрит, «у людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром»⁴⁸. Понятие моральной ответственности помимо всего прочего означает, что человек должен не только правильно выбрать моральные ориентации, которые бы служили мотивами его деятельности, но и в каждом конкретном случае, используя все свои возможности (жизненный опыт, знания, умения, способности), учесть возможные последствия своих поступков и избрать соответствующий способ действий. Причем под объективной возможностью предвидеть результаты действий следует иметь в виду не только *фактические* возможности субъекта, но и *потенциально-должные*. Если человек сделал все, что мог, то это еще не значит, что с него снимается всякая ответственность за отрицательные результаты его действий. Он сделал все, что мог, но то, что он мог, оказалось меньше того, что он *должен* был мочь. Его фактические возможности оказались меньше тех, которые (1) он мог достигнуть и которых (2) от него требовала взятая им на себя роль.

Таким образом, если человек, будучи обязанным и имея возможность предвидеть отрицательные результаты своих действий, не реализовал эту возможность, а

⁴⁸ Материалисты Древней Греции. М., 1955, стр. 157.

следовательно, и не использовал соответствующих средств для достижения цели, то это говорит о том, что у него недостаточно развито чувство ответственности, и поэтому отрицательные результаты его действий, несмотря на благие намерения, могут быть поставлены ему в вину.

Рассмотрим в связи с этим следующий достаточно известный пример. Касаясь одной из главных причин гибели Советской республики в Венгрии, заключавшейся в предательстве лидеров венгерской социал-демократии, В. И. Ленин писал: «Нет сомнения, что часть венгерских социалистов *искренне* перешли на сторону Бела Куна и объявили себя *искренне* коммунистами. Но суть дела от этого нисколько не меняется: «искренне» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспоощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (— только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничает, — подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет...*»⁴⁹. Эти слова В. И. Ленина не следует истолковывать в том смысле, что, мол, тот, кто умышленно предал революцию, заслуживает всяческого морального осуждения, тот же, кто не хотел этого и способствовал данному исходу ненамеренно, заслуживает осуждения лишь как политик, но не как человек, не в моральном отношении. Такое истолкование было бы явно ошибочным. Неумышленность в данных условиях может служить лишь смягчающим (и образующим указанную разницу между предателем по умыслу и предателем по слабости) обстоятельством, но не оправданием. Революционная деятельность по своей сущности такова, что не терпит слабости, замешательства, проволочек. Революционные цели требуют революционных средств. Именно этого не осознали некоторые руководители венгерских социалистов, тем самым проявив *безответственность*, что и привело их к фактическому преда-

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131—132.

тельству дела революции, и именно поэтому они заслуживают не только политического, но и морального осуждения.

Конечно, в перипетиях конкретной действительности не всегда даже при самом ответственном отношении к делу удастся предвидеть все непосредственные, а тем более отдаленные результаты своих поступков. Сложное стечение обстоятельств может привести к таким результатам, которых субъект не желал и которые он практически по объективным независящим от него обстоятельствам не мог предвидеть. Естественное, что такие результаты не могут быть вменены ему в вину. Более того, несовпадение объективных результатов действий субъекта с теми правильными целями, которые он перед собой ставил (с мотивами, которыми он руководствовался) и для достижения которых использовал все доступные ему средства, ни в коей мере не умаляет нравственной ценности его действий.

Сложное стечение обстоятельств, которое субъект в принципе не мог предвидеть, способно привести лишь к неадекватному *предметному* результату, к тому, что та непосредственная цель, которую ставил перед собой субъект, не будет достигнута, но оно неспособно свести на нет положительный *моральный* результат поступка, выражающийся не только в предметном результате, но и в том нравственном влиянии, которое окажет на других и на самого субъекта уже одна попытка осуществить нравственную цель, в силе примера (непредметный результат)⁵⁰. С другой стороны, эгоистические мотивы могут реализоваться в общественно полезном предметном результате действия, но подобные действия никогда не будут иметь положительного нравственного результата. Это не значит, что мораль вообще не интересуется предметный результат действий, но ее интересует не столько сиюминутный осязаемый результат (хотя и он ей небезразличен), сколько конечный, более весомый предметный результат, который уже находится в безусловной зависимости и от нынешнего непредметного

⁵⁰ Это чрезвычайно важное и плодотворное, хотя и до известной степени условное, различие предметного и непредметного результата действий проведено в нашей литературе Н. Н. Мокроусовым. См. его статью «Нравственная оценка поведения (поступков)». «Вопросы философии», 1965, № 9, стр. 44.

нравственного результата. Сегодняшний — непредметный, нравственный результат завтра выльется в предметный. В этом смысл действий многих революционеров, которые часто жертвовали собой, заранее зная, что их действия при отсутствии непосредственного осязательного успеха будут иметь огромное нравственное влияние на умы людей, что обеспечит успех в будущем.

Таким образом, было бы большой ошибкой считать мериллом оценки поступка лишь его непосредственный социально полезный предметный результат. В этом случае пришлось бы социально полезные действия карьериста оценить с нравственной точки зрения выше, чем действия героев, иногда не имевшие непосредственного предметного результата. Более того, нравственная оценка, скорее, окажет снисхождение человеку, совершившему зло ненамеренно, несмотря на то, что предотвратить это зло было в его силах, чем «полезному» карьеристу. И дело тут не в непрактичности морали, а в ее чрезвычайной дальновидности. Не гонясь за сиюминутным предметным результатом, она смотрит в будущее. И в прогнозе этого будущего немаловажным показателем для нее служит содержание мотива, т. е. то, ради чего человек предпринимает какие-то (может быть, оказавшиеся не совсем удачными) действия, реальная побудительная причина его действий, которая самим человеком может быть и не осознана. Исходя из содержания мотива, мораль вполне резонно полагает, что сегодняшняя ненамеренная нравственная ошибка при наличии добрых побуждений завтра может быть исправлена, в то время как эгоистические мотивы рано или поздно в тех условиях, когда они не смогут удовлетворить себя «легальным» образом, выразятся в отрицательном предметном результате, не говоря уже о том, что и сейчас в «легальной» форме они оказывают отрицательное нравственное влияние на окружающих, что ведет и к отрицательным предметным результатам их действий.

На основании сказанного можно заключить, что моральное долженствование совпадает с социальной целесообразностью лишь в конечном счете. Значит ли это, что мотив является единственным критерием нравственной оценки конкретных поступков? Нет. Мотив — это необходимое, но недостаточное условие совершения нравственного поступка. Как мы уже говорили, для того

Моральный мотив

Нравственный результат

+

+

+

+

-

-

Вопрос о критерии смешивать нравственный результат с объектом. В свою очередь, субъекта, не след

чтобы мотив адекватно выразился в поступке, субъект обязан найти и использовать соответствующие в нравственном и операциональном отношениях *средства*. Соблюдение этого условия всегда ведет к соответствующему нравственному результату. И наоборот, недостаточно ответственное в этом смысле отношение к своим продиктованным лучшими побуждениями действиям приведет к тому, что нравственный результат действий будет разрушен. Поэтому то, насколько будет достигнут нравственный результат, и может служить решающим критерием нравственной оценки поведения.

Все вышесказанное о нравственной оценке поступка в зависимости от соотношения мотива, нравственного и предметного результата поступка можно подытожить в следующей схеме, где представлены все возможные сочетания данных элементов поступка.

	Моральный мотив	Нравственный результат	Предметный результат	Моральная оценка
1)	+	+	+	+
2)	+	+	—	+
				(напр.: субъект в принципе не мог предвидеть неудачи)
3)	+	—	—	—
				(напр.: субъект не использовал всех средств)
4)	+	—	+	—
				(напр.: использовал безнравственные средства)
5)	—	—	+	—
				(напр.: «легальные» действия карьериста)
6)	—	—	—	—

Вопрос о *критерии* нравственной оценки поступков не следует смешивать с вопросом о *путях* и *способах* выявления этого критерия. Так, для того чтобы выявить нравственный результат поступка, необходимо прежде всего выяснить мотивы, которыми руководствовался субъект. В свою очередь, чтобы определить мотивы субъекта, не следует, видимо, ограничиваться «словес-

ными показаниями» самого субъекта. Не следует потому, что, во-первых, он сам может не сознавать истинных мотивов своего поступка⁵¹, а, во-вторых, если он даже и сознает эти мотивы, не всегда в его интересах раскрыть их. Поэтому кроме этих субъективных данных, которые все же надо принимать во внимание, следует найти какие-то объективные показатели. Известно, что писал по этому поводу В. И. Ленин. «...По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»⁵².

Выявление мотива поступка возможно осуществить путем сопоставления данного поступка с другими его поступками, со всей линией его поведения, анализа условий, в которых был совершен поступок, и т. д. и т. п. Немаловажное значение имеют и собственные объяснения субъекта. Если даже субъект пытается скрыть свои истинные мотивы, то часто сама попытка сделать это может, наоборот, раскрыть их. Вообще в анализе мотивов многое будет зависеть от знания человеческой психологии, наблюдательности, жизненного опыта, степени развитости моральной интуиции.

⁵¹ Подробнее у нас об этом пойдет речь во 2-й главе.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

Глава II.

НЕОСОЗНАВАЕМОЕ НРАВСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОСОЗНАВАЕМОМ ПОВЕДЕНИЕМ

В предыдущей главе мы определили то содержание, которое необходимо осознать субъекту для того, чтобы его деятельность приобрела нравственный характер, и обозначили уровни осознания этого содержания. Понятие осознанности было, таким образом, одним из основных при характеристике специфики моральной деятельности. Это вполне понятно, так как нравственная деятельность предполагает личность, стремящуюся действовать свободно, т. е. на основе осознания объективной необходимости и соответствующего этой необходимости личностного смысла. Означает ли это, что всякое нравственное действие является осознанным действием, или возможно неосознанное нравственное действие, т. е. действие, нравственные мотивы которого не осознаются личностью, но которое тем не менее совершается по логике морали? Не является ли подобное допущение внутренне противоречивым?

Ответ на этот вопрос будет в немалой степени зависеть от того, что мы будем понимать под «осознанным» действием. При ближайшем рассмотрении оказывается, что понятие «осознанности» далеко не однозначно. Эта неоднозначность обусловливается различием контекстов, аспектов, в которых употребляется понятие осознанности, а также различием в том содержании, которое осознается.

Говоря об аспектах, в которых употребляется понятие сознания, отметим прежде всего различие философ-

ского и конкретно-научного (психологического) аспектов.

Понятие сознания, употребляющееся в философии наряду с понятием материи, является предельно широким, отождествляемым в рамках основного вопроса философии с понятием человеческой психики. Поэтому с философской точки зрения всякая человеческая деятельность является сознательной, ибо «все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову...»¹. В этом смысле осознать нечто — означает отразить это нечто в психике субъекта, сделать это достоянием его субъективности.

Однако за пределами основного вопроса философии для более конкретного анализа необходимо и более конкретное понятие сознания.

Так, уже в теории познания и в социологическом анализе под сознанием часто понимается не просто то, что отразилось в голове субъекта, но то, о чем он знает, что он сознает.

В еще более конкретном анализе в дело вступает психологическое понятие сознания, которое употребляется для обозначения особой формы психического отражения наряду с неосознанным психическим отражением. «У современного человека сознание является «всеобщей формой» психического отражения мира, но из этого следует только то, что все воспринимаемое *может* стать при определенных условиях предметом сознания, а вовсе не то, что всякое психическое отражение имеет форму сознания»². Вследствие этого не все сознательное, рассматриваемое с философской точки зрения, является психологически осознанным³.

Ясно, что понятие бессознательного как всего того, что не надлено сознанием, лежащего вне человека, неприменимо к нравственной деятельности. Допущение такой бессознательной нравственной деятельности озна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 290.

² А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. «Известия АПН», вып. 7, 1947, стр. 10.

³ Указанные различия следует постоянно иметь в виду, поскольку в философской литературе понятие сознания употребляется не только в своем широком, собственно философском, оправданном в рамках основного вопроса философии значении, но и более конкретных значениях.

чает признание нравственности вне сферы человеческой деятельности.

Неприменимо к специфически нравственной деятельности и понятие «неосознанности» в гносеологическом и социологическом аспектах, употреблявшееся нами в 1-й главе. С социологической точки зрения, как мы старались показать, неосознанное в нравственном отношении действие не является собственно нравственным.

Вопрос, таким образом, пока может стоять только о применимости к нравственной деятельности психологического понятия неосознанности. Однако прежде чем приступить к анализу этого понятия, необходимо уточнить то содержание, которое будет им охватываться.

Дело в том, что в зависимости от содержания, к которому применяется понятие (не)осознанности, одно и то же действие может быть в одном отношении осознанным, а в другом — неосознанным. Мария Оссовская в зависимости от этого содержания выделяет три различных значения понятия осознанности, которые, пожалуй, можно рассматривать как уровни осознанности поведения: 1) обычная вменяемость (человек отдает себе отчет в своих действиях), 2) умышленность, 3) убежденность⁴. Различие между первым и вторым значением заключается в том, что человек, вполне отдавая себе отчет в своих действиях, может в силу различных причин произвести результат, который не входил в его намерения, оказался неумышленным. Далее. Человек может действовать по сознательно принятому намерению, но действовать вынужденно, без желания, не по убеждению, т. е. не осознавая необходимости для себя лично поступать данным образом. Кроме того, и это, пожалуй, наиболее важно для нас, действуя по сознательному намерению, человек может не отдавать себе отчета в нравственном характере своего действия⁵.

⁴ Приведено по: И. Н. Румянцев. Моральный выбор как форма проявления нравственной свободы. «Вестн. Моск. ун-та», сер. философия, 1972, № 5, стр. 18.

⁵ На это обращает внимание, в частности, Г. Г. Андреев, говоря о том, что следует проводить различие «между осознанием фактических обстоятельств, которые имеют отношение к поступку, и осознанием нравственного характера поступка» (Г. Г. Андреев. Этика и социальная психология. В сб.: «Общественная психология и коммунистическое воспитание». М., 1967, стр. 100).

Таким образом, действие, будучи осознанным в одном отношении, может быть бессознательным в другом.

Помимо приведенных различий следует указать еще два, имеющие большое значение для социологического анализа.

Во-первых, это осознанность не только ближайших целей и последствий деятельности, но и отдаленных, понимание основ своей деятельности. В. И. Ленин писал: «Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим общественное бытие»⁶.

И, во-вторых, это — осознанность не только результата отражения, но и самого процесса формирования этого результата. Это — различие стихийности и сознательности формирования содержания сознания. Человек может сознавать что-то, но не знать, как и почему возникло в его голове это сознаваемое им содержание. В этом смысле Ф. Энгельс писал, что «люди, сознательно или бессознательно черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений...»⁷.

В силу этой многоаспектности понятия осознанности следует подчеркнуть, что, говоря об осознанности или неосознанности нравственной деятельности, мы будем иметь в виду, что субъект психологически (не) осознает нравственный характер и нравственные мотивы своих действий.

§ 1. «Бессознательное» и мораль. Понятие неосознаваемого нравственного поведения

Проблема бессознательного психического все больше привлекает внимание исследователей, о чем свидетельствуют появившиеся в течение последних лет работы

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95.

как узкоспециального, так и обобщающего характера, содержащий позитивный анализ этой проблемы⁸. В природе и сущности бессознательного еще очень много неясного и совсем неисследованного. Те основные, самые общие положения теории бессознательного, которые получили признание у большинства исследователей, сводятся к следующему.

1. Бессознательные (неосознаваемые) психические явления — это «состояния, при которых психика субъекта, отражая внешний мир, сама содержанием отражения становится лишь искаженно или даже не становится вовсе»⁹.

2. Бессознательное выполняет функции переработки информации и регулирования поведения. «Субъективный образ действительности, побуждая и направляя деятельность субъекта (курсив мой. — Б. Н.), вместе с тем может не быть «презентированным»¹⁰ ему. Эта область «не презентированного» в психике человека чрезвычайно широка...»¹¹.

3. Бессознательное не представляет из себя особой сферы, независимой от сознания. Это «всего лишь обобщение, к которому мы прибегаем, чтобы отразить способность к регулированию поведения..., происходящему

⁸ Здесь помимо периодически выходящих работ давно и плодотворно работающей в этой области грузинской школы, содержащих анализ бессознательного с точки зрения теории установки Д. Н. Узнадзе, следует назвать фундаментальную монографию Ф. В. Бассина «Проблема «бессознательного». М., 1968, обобщающую результаты психологических и психофизиологических исследований в этой области. Кроме того, эту проблему затрагивают: Е. В. Шорохова («Проблема сознания в философии и естествознании». М., 1961); А. И. Дмитриев («Взаимосвязь осознанного и неосознанного в процессе отражения действительности». В кн.: «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. 2. М., 1970); А. А. Новиков («К вопросу о содержании понятий «бессознательное» и «неосознанное». «Вестн. Моск. ун-та», сер. философия, 1972, № 3) и др.

⁹ Ф. В. Бассин. Проблема «бессознательного». М., 1968, стр. 158.

¹⁰ Термин «презентация» (от лат. *presentatio* — предъявление) употребляется А. Н. Леонтьевым для характеристики актуально осознаваемого содержания. Быть «презентированным» значит быть актуально осознаваемым.

¹¹ А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения, стр. 11.

без непосредственного (курсив мой. — Б. Н.) участия сознания»¹².

4. Сознание и бессознательное — это две взаимодействующие стороны психики, где определяющую, главную роль играет сознание.

5. Сознание и бессознательное могут находиться между собой как в конфликтных, так и в согласованных отношениях. Причем в нормальных условиях преобладают отношения второго типа¹³.

6. Бессознательное, как и сознание, несводимо к какому-то одному психическому процессу (ощущение, восприятие и т. д.). Это следует подчеркнуть, поскольку иногда бессознательное явно или неявно отождествляется с каким-то одним психическим процессом, например, с чувствами, а сознание — с мышлением.

Разумеется, мы назвали лишь основные положения проблемы бессознательного, причем из них только те, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме, т. е. к решению вопроса, может ли нравственная деятельность иметь психологически неосознаваемую форму.

Обрисованная картина принципиально отличается от той, которую в свое время дал З. Фрейд. Это отличие касается прежде всего природы и сущности бессознательного. Если Фрейд свел бессознательное к наследственно обусловленным влечениям, инстинктам, то современная советская психология придерживается принципа социальной обусловленности психики, который помимо всего прочего означает, что «общественная характеристика распространяется не только на сознание, но и на все психическое в целом, в том числе и на неосознаваемое, бессознательное и т. д.»¹⁴. «Социальные факторы действуют на личность не только через ее сознание (формируя, стало быть, осознаваемый ею субъективный мир), но и посредством неосознаваемого влияния, которое формирует психологию личности в це-

¹² Ф. В. Бассин. Проблема «бессознательного», стр. 378.

¹³ См. там же, стр. 370.

¹⁴ К. А. Абульханова-Славская. К проблеме социальной обусловленности психического. «Вопросы философии», 1970, № 6, стр. 77.

Б. Н.)
это две вза-
меняющую, т.

могут на-
к и в согла-
ных условия-
е, несводимо-
су (ощущение
сркнуть, по-
неявно отожд-
и процессом, в
шлением.

сновные пол-
из них то-
отношение в
ет ли нравст-
ки. неосозна-

ально отлича-
Фрейд. Это о-
сущности бес-
нательное к н-
инстинктам, т

идерживается
и психики, к
«общественн-
только на со-
в том чисте

Д.» 14. «Соци-
только через
знаваемый ест-
осознаваемого
тию личности

нательного», стр
я. К проблеме
философии», 1972

лом»¹⁵. Таким образом, ответственность за содержание бессознательного во многом ложится на окружающую социальную среду.

Иначе решается и проблема соотношения бессознательного с сознанием. Объявляя бессознательное самостоятельной, независимой от сознания сущностью, З. Фрейд логически приходит к выводу, что бессознательное, представляющее по своему объективному содержанию «эгоистическое», «аморальное» начало, чуждое моральным нормам, входящим в структуру сознания, тем не менее «неморально», т. е. не подлежит моральной оценке. Сознание бессильно как-то воздействовать на природу бессознательного. Оно может лишь до известной степени сдерживать аморальные порывы бессознательного, но не в его силах изменить саму природу и сущность бессознательного. Мораль представляется чем-то чуждым бессознательной природе человека, навязанным ему извне. Человек не властен над своими бессознательными влечениями, поэтому претензии морали неправомерны. Так, Фрейд фактически оправдывает безнравственность, объясняя все аморальное в человеке действием внутренних, независящих от него сил.

Современные представления о бессознательном и о специфике морального регулятора позволяют совершенно иначе решить вопрос об отношении моральной оценки к бессознательным действиям.

Согласно этим представлениям, ведущая роль в психике человека отводится сознанию и подчеркивается, что всякое бессознательное содержание *может* стать достоянием сознания. Отсюда вытекает тот кардинальный вывод, что поступки, побуждаемые бессознательными влечениями, не выходят из сферы действия моральной оценки, поскольку для субъекта в обычных условиях нет никаких объективных препятствий к тому, чтобы осознать эти влечения, привычки и действовать по собственной свободной (основанной на осознанной необходимости) воле.

Мораль же, согласно этим представлениям, являет собой такой способ регуляции поведения, который способен в случае необходимости противодействовать не

¹⁵ Н. С. Мансуров. Социальная психология о причинах конфликтности личности. (Международный социологический конгресс, 7-й. Варна, 1970. Доклад № 172, стр. 11).

только внешним обстоятельствам, внешней воле, но и внутренним, инстинктивным побуждениям, вытекающим из психофизиологических особенностей человека. Мораль заставляет человека бороться со своей «природой», если последняя приходит в противоречие с моральными требованиями, исходя из того, что он может и должен не только осознать свои инстинкты и влечения, но и управлять ими. Известно, что инстинкт самосохранения в известных условиях может завладеть всем существом человека, подчинить его волю и толкнуть на аморальные поступки. Но точно так же известно, что сознание и чувство долга вполне способны не дать проявиться этому инстинкту в безрассудных, недостойных поступках. Все будет зависеть от того, насколько глубоко усвоил человек требования морали, насколько они укоренились в нем, вошли в его плоть и кровь.

Из этого не следует, что психофизиологическая природа человека представляет собой нечто такое, с чем мораль должна всегда бороться, т. е. нечто изначально злое, как считал, например, Гоббс. Понятия моральности или аморальности вообще неприменимы к психофизиологической конституции человека (и в этом смысле Фрейд был бы прав, не представь он инстинкты, т. е. физиологические явления, в качестве психических). Наследственно обусловленные психофизиологические особенности могут способствовать или препятствовать формированию того или иного морального качества, но они не могут жестко и однозначно определить это формирование¹⁶. Моральные качества в отличие от психофизиологических особенностей по наследству не передаются. Особенности психофизиологической конституции могут накладывать лишь свой отпечаток на нравственное формирование личности. Скажем, человек может быть от рождения более «боязливым», чем другие (внеморальная характеристика), но это вовсе не значит, что он вырастет трусом (моральная характеристика), хотя

¹⁶ О влиянии биологического фактора на характер и поведение индивида см., например, В. М. Банщиков и Г. Н. Исаев. К вопросу типологии человека. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», М., 1969, стр. 76; А. В. Брушлинский. О наследственных предпосылках психического развития человека. «Вопросы философии», 1970, № 9; К. К. Платонов. Социальное и биологическое в структуре личности. «Вопросы философии», 1970, № 9.

воспитать в себе такое моральное качество, как храбрость, ему будет несравненно труднее, чем человеку с более благоприятными в этом смысле наследственными данными. Но связь здесь неоднозначна. Мораль представляет собой более высокий способ детерминации человеческого поведения, чем психофизиологические детерминанты, и она способна направить проявление последних в нужное ей русло.

Кант, которого эти вопросы волновали больше, чем кого-либо, писал: «...если бы природа вложила в сердце какого-нибудь человека мало симпатии; если бы он (в общем-то честный человек) обладал холодным темпераментом и был равнодушен к страданиям других, ...если бы природа не сделала такого человека (который вовсе не самое худшее ее произведение), собственно говоря, человеколюбом, то неужели он не нашел бы в себе еще источник для того, чтобы самому себе придать гораздо более высокую ценность, чем та, какой может быть ценность благонаправленного темперамента? Несомненно, нашел бы! Именно с благоговения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность характера»¹⁷.

Таким образом, морально оцениваются не психофизиологические особенности человеческого организма, а поступки, обусловленные как этими особенностями, так и содержанием сознания человека (в том числе морального сознания). Предметом моральной оценки является то, насколько человек сумел в своем поведении овладеть своими инстинктивными побуждениями, подчинить их себе. Следовательно, моральная оценка исходит прежде всего не из того, осознанным или неосознанным по своей психологической форме является поступок, а из того, что у человека в обычных условиях всегда имеется возможность осознания побуждений, лежащих в основе поступка, что является обязательным условием свободного выбора. Таким образом, бессознательные действия не выходят из сферы действия моральной оценки, т. е. являются «морально значимыми».

Теперь попытаемся ответить на вопрос, поставленный ранее: могут ли бессознательные действия быть не только «морально значимыми», но и специфически нрав-

¹⁷ И. Кант. Соч., т. IV (I). М., 1965, стр. 234.

ственными? Как мы уже сказали, бессознательное у человека, как и сознание, представляет собой социально обусловленное явление. Поэтому ничего «криминального» в такой постановке вопроса нет. Однако, как считает, например, О. Г. Дробницкий, бессознательное, будучи социальной характеристикой человека, тем не менее, по-видимому, не является его моральной характеристикой. Собственно моральная проблема, согласно О. Г. Дробницкому, возникает лишь на таком уровне детерминации, который, хотя и вырастает на фундаментально стихийно, бессознательно сформировавшейся психической природы, может обратно воздействовать на эту природу — подавлять ее стихийные реакции, направлять их или формировать ее стереотипы¹⁸.

Вышесказанное побуждает к тому, чтобы признать понятие «неосознаваемая нравственная деятельность» с самого начала внутренне противоречивым, неправомерным. Однако не будем торопиться и проведем еще одно разграничение в понятии бессознательного, которое, на наш взгляд, имеет решающее значение для поставленной проблемы.

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что бессознательное — это либо то, что еще вообще не осознано человеком, хотя и отразилось в его психике, либо то, что в определенное время при соответствующих условиях было осознанным, но при изменении этих условий перестало осознаваться¹⁹. А. Н. Леонтьев делит содержание, составляющее структуру деятельности на: 1) актуально сознаваемое, т. е. то, что сознается в момент совершения действия (непосредственная цель действия), 2) контролируемое сознанием — то, что раньше было осознано (по терминологии А. Н. Леонтьева «презентировано» субъекту), но в настоящий момент не осознается, хотя, если того потребуют обстоятельства, легко может быть вновь осознано. 3) не контролируемое сознанием — то, что еще вообще не было осознано²⁰.

¹⁸ Социальные и биологические факторы развития человека (Круглый стол. «Вопросы философии»). «Вопросы философии», 1972, № 9, стр. 122.

¹⁹ См. Е. В. Шорохова. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961, стр. 290.

²⁰ А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения, стр. 21.

Это различие бессознательного как «досознательного» и бессознательного как «послесознательного» имеет для нас первостепенное значение. Проанализируем его более обстоятельно.

Прежде всего обратим внимание на то, что «досознательное» поведение не следует смешивать с поведением, совершаемым по незнанию моральных требований или обстоятельств конкретной ситуации²¹. Моральные требования, предъявляемые обществом к личности, обычно известны каждому взрослому человеку. (Знание этих требований, как мы уже говорили, является условием моральной вменяемости.) Другое дело, что отношение человека к этим требованиям может быть различным. И в зависимости от субъективного отношения к этим требованиям, в зависимости от того, какой смысл они имеют для личности, они либо становятся регуляторами поведения личности, либо нет. Если же вдруг у человека возникают формы поведения, соответствующие тем требованиям, к которым он сознательно относится отрицательно или безразлично, и если мы здесь не сталкиваемся с фактом лицемерия, то остается предположить, что эти формы поведения возникли стихийно, «досознательно», а не под влиянием сознательной воли индивида²². Но и те требования, к которым индивид относится отрицательно или безразлично, присутствуют в его сознании как определенное моральное знание. Поэтому о «досознательном поведении» нельзя говорить как о поведении, совершаемом из-за незнания моральных норм. В последнем случае «досознательное поведение» было бы неморально, неподсудно в нравственном отношении.

Несколько труднее увидеть отличие «досознательного» поведения от того поведения, где нравственное содержание конкретной ситуации вообще не отражается в

²¹ Еще Аристотель замечал: «Существует, кажется, различие действия по неведению от того, когда кто-либо действует не сознавая» (Этика Аристотеля. СПб., 1908, стр. 40).

²² Стихийное формирование поведения несколько отличается от бессознательного формирования тем, что каждый отдельный поступок, совокупность которых имела следствием возникновение определенной привычки, мог совершаться не обязательно в нравственном отношении бессознательно (человек мог и осознавать его), но в результате сформировалась устойчивая линия поведения, противоречащая убеждениям субъекта, не входившая в его намерения и не осознаваемая им.

голове субъекта (ни в сознании, ни в подсознании) и, следовательно, не является регулятором его поведения. И в том и в другом случае («досознательное» поведение и поведение, вообще не регулируемое моральным фактором) субъект не понимает морального значения ситуации. Однако «досознательное» — это то, что отразилось в психике человека, но еще не вошло в сферу сознания и поэтому не может контролироваться сознанием.

Это досознательное отражение уже определенным образом регулирует деятельность субъекта, но так, что сам он об этом еще ничего не знает, оно оказывает воздействие на его волю помимо самой этой воли и часто в противоречии с ней. Поэтому такое поведение нельзя назвать свободным, а следовательно, специфически нравственным. Такое непроизвольное, не контролируемое сознанием поведение, в мотивах которого субъект не может дать себе ясного отчета, очень часто встречается в виде стихийно сформировавшихся и неосознанно функционирующих привычек, склонностей, в виде неосознанных инстинктивных побуждений (влечений). Это поведение возникает «путем фактического «прилаживания» действия к предметным условиям или путем простейшего подражания»²³. Человек здесь выступает больше в роли объекта внешних и внутренних (инстинкты) воздействий, нежели в роли субъекта своих действий. Они (эти воздействия) управляют им, а не он — ими.

Правда, здесь следует сделать одну существенную оговорку. Хотя «досознательное» не является тем, что уже прошло однажды через сознание, это не делает его абсолютно независимым от содержания сознания. Психика человека представляет собой целостную систему, которая отражает внешний мир, преломляя его как через сознательное, так и бессознательное содержание. «Сознание есть частный случай психики, ее высшая форма... Но и в случае неосознанных действий сознание находится не «рядом с ними», а в той или иной, пусть в самой малой степени включено в структуру этих действий... Нет такого психического процесса, такого прак-

²³ А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения, стр. 21.

тического действия, которые бы в каждый отдельный момент не были бы связаны одновременно и с сознательным и с бессознательным»²⁴. Поэтому содержание «досознательного» отражения всегда в какой-то мере обусловлено содержанием сознания данной личности. Иными словами, избирательность — это свойство не только осознанного, но и неосознанного восприятия. Человек и бессознательно чаще всего (хотя и не всегда) более восприимчив к тому, что не противоречит его осознанным установкам, убеждениям. Таким образом, поведение, регулируемое «досознательными» побуждениями, как и поведение, осуществляемое под влиянием «послесознательных» установок, происходит без непосредственного участия сознания, но не независимо от сознания. Следовательно, «досознательное» поведение хотя и не является специфически нравственным, позволяет до некоторой степени судить о чертах морального облика данного человека, о его сознательной воле.

Однако если в «досознательном» поведении сознание играет лишь роль «призмы» и «сита», через которые проходит неосознаваемое содержание и которые в той или иной степени выбирают и подправляют это содержание, то «последовательное» намного ближе стоит к сознанию. Более того, оно является прямым продуктом сознания, оно вышло из сознания. «Послесознательное» поведение возникает как результат того, что моральные установки, которых придерживается личность, становятся для нее настолько прочными убеждениями, что они представляются ей очевидными и поэтому не требующими к себе постоянного внимания истинами. Кроме того, в результате постоянного опредмечивания этих установок у субъекта формируются прочные связи между установками и определенными ситуациями, поступками. Эти связи так прочно укореняются в психике человека, что он уже не задумывается каждый раз над нравственным значением своих поступков и над тем, почему он поступил так, а не иначе. Поэтому данные моральные установки выходят из поля сознания и становятся основой привычных, а также интуитивных форм поведения. Но, выйдя из поля сознания, данное мораль-

²⁴ А. Н. Шогам. Проблема сознания и психическая модель личности. В кн.: «Проблемы сознания». М., 1966, стр. 198.

ное содержание не выходит вообще из-под контроля сознания. Оно лишь *актуально* не осознано, в то время как «досознательное» содержание *вообще* не осознано. Человек почти всегда может адекватно объяснить свой произвольный поступок, если в том возникает необходимость. В «досознательном» поведении это сделать значительно труднее, что, кстати говоря, является одним из внешних признаков, по которому с большой долей вероятности можно отличить «послесознательное» поведение от «досознательного».

«Послесознательное» поведение с социологической точки зрения является вполне осознанным. Социологическое понятие осознанности, которым мы пользовались в 1-й главе, будучи более широким, чем психологическое, отвлекается от того факта, что осознанное однажды содержание может впоследствии выступать в актуально неосознаваемой форме. С социологической точки зрения осознанное — это все, что хоть раз было актуально осознано.

Из того факта, что «послесознательное» поведение представляет собой результат предыдущих сознательных усилий личности по формированию у себя прочных, последовательных моральных убеждений и устойчивых форм поведения, следует заключить, что здесь мы сталкиваемся как раз с тем случаем, когда поведение, будучи в моральном отношении актуально неосознаваемым по своей психологической форме, в то же время является специфически нравственным. Более того, вышесказанное позволяет утверждать, что мы здесь имеем дело с такой формой морального поведения, которая возможна лишь на достаточно высоком уровне нравственного развития личности.

Рассмотрим некоторые, наиболее распространенные формы, в которых проявляется неосознаваемое моральное поведение²⁵.

Устойчивость и произвольность, характерная для неосознаваемого поведения, обычно выражаются в привычном поведении. Действительно, привычное нравственное поведение — это поведение, возникающее после неоднократного повторения осознанных поступков, в ре-

²⁵ Исходя из сказанного, в дальнейшем мы под неосознаваемым моральным поведением будем подразумевать *актуально* неосознаваемое.

зультате чего эти поступки начинают совершаться как бы сами собой, без того, чтобы нравственное их значение и мотив, лежащий в их основе, актуально осознавались. Это не значит, что любое действие, совершенное по привычке, является актуально неосознаваемым, т. е. мы не отождествляем привычку с неосознаваемым, но характерным для функционирования привычки является ее неосознанность. Поэтому ее можно считать формой неосознаваемого нравственного поведения.

Среди привычных форм нравственного поведения следует различать нравственные привычки в узком смысле слова как отдельные, вполне конкретные однотипные действия, совершающиеся почти автоматически в определенных однотипных ситуациях, и нравственные привычки в широком смысле слова как поведение, совершаемое в привычных условиях под влиянием стойких (приобретших в сознании индивида форму аксиом) ценностных ориентаций, моральных установок, привычные способы реагирования на схожие ситуации²⁶.

Нравственные привычки в узком смысле слова являются простейшим видом привычных форм нравственного поведения. Они служат для реализации элементарных норм нравственности и правил этикета. Однако в привычку может войти и следование более сложным нормам и принципам морали, находящим свою реализацию в операционально разнотипных действиях²⁷.

Положительное значение нравственных привычек очевидно. Они а) закрепляют накопленный личностью нравственный опыт, б) делают ее поведение устойчивым и последовательным, в) позволяют осуществлять немедленные нравственные реакции, т. е. делают поведение более оперативным, г) освобождают сознание для решения более сложных нравственных вопросов, для разрешения нравственно-конфликтных ситуаций. На большое положительное значение правильных нравственных

²⁶ Т. С. Лапина права, настаивая на четком различии этих двух видов привычных форм поведения (см. Т. С. Лапина. Привычное и сознательное в нравственном поведении. В сб.: «Насущные вопросы этики». М., 1971, стр. 191). Однако нас здесь будет интересовать не столько различие между ними, сколько сходство, заключающееся в том, что в обоих случаях поведение осуществляется без актуального осознания моральных мотивов.

²⁷ См. В. Н. Бабаев. Нравственные привычки и условия их формирования. «Вопросы философии», 1964, № 9, стр. 153.

привычек указывал А. С. Макаренко. «Наша задача, — писал он, — не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе не можем, потому, что мы так привыкли»²⁸. Интересно заметить, что возможность выбора, являющаяся неперенным условием моральной ответственности, при функционировании нравственных привычек, в моральном сознании человека как бы исчезает. Настолько очевидным и единственно приемлемым в данной ситуации представляется человеку данный поступок, что он просто не видит возможности другого выбора.

Привычки могут формироваться в результате сознательной ориентации на определенные нравственные принципы, а могут возникать стихийно, произвольно²⁹. В последнем случае, если даже эти привычки внешне соответствуют моральным требованиям, их нельзя называть собственно нравственными. Другой вопрос, что стихийно сформировавшаяся привычка может быть затем осознана, нравственно осмыслена субъектом, может подвергнуться с его стороны определенной моральной оценке. Тогда эта привычка приобретает нравственный характер.

Особенно велик процент «досознательных», стихийно сформировавшихся привычек в поведении, соответствующем элементарным нормам морали и правилам этикета. Это вполне понятно, поскольку эти простейшие

²⁸ А. С. Макаренко. О коммунистическом воспитании. М., 1956, стр. 74.

²⁹ Правильно критикуя Б. Д. Парыгина за характеристику привычек лишь как «стихийно возникающих... социально-психологических явлений» (Б. Д. Парыгин. Социальная психология и этика. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1964, т. 254, стр. 47), М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович, как нам кажется, впадают в другую крайность, считая, что привычки и традиции формируются у людей только проходя через их сознание (М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович. Общественная психология и коммунистическое воспитание. В сб.: «Общественная психология и коммунистическое воспитание». М., 1967, стр. 36). Хотя, как мы уже сказали, «досознательное» всегда подвержено влиянию осознаваемого содержания (и в этом смысле оно тоже проходит через сознание), однако это нечто такое, что возникает незаметно для субъекта, в чем он не отдает себе отчета, что он не сознает.

привычки формируются еще в детстве под влиянием и неусыпным оком внешней воли (родителей, педагогов и т. д.). Поведение же, соответствующее более сложным нормам и принципам морали, — результат более позднего возрастного периода. Здесь преобладает влияние собственной сознательной воли, самовоспитания.

Как мы уже сказали, привычное поведение регулируется обычно неосознанными моральными установками, ценностными ориентациями. Уточним эти понятия. Установка в психологическом смысле — это «некоторое целостное состояние субъекта, ... целостная направленность его в определенную сторону на определенную активность»³⁰, готовность действовать определенным образом. Необходимыми условиями возникновения установки являются: а) наличие потребности и б) ситуации ее удовлетворения. Система установок по отношению к определенным социальным ценностям составляет то, что называется ценностной ориентацией³¹. Понятие социальной (в том числе моральной) установки, таким образом, более конкретно, чем понятие ценностной ориентации. Социальная установка, как правильно считает Д. М. Угринович, в отличие от ценностной ориентации, во-первых, «всегда предметна, т. е. направлена на определенный объект»³², и является конкретным способом реализации ценностной ориентации. И, во-вторых, «социальная установка отличается от ценностных ориентаций личности и в том отношении, что она предполагает не только определенную *оценку* тех или иных социальных явлений, но и *готовность и способность действовать* в соответствии с этой оценкой»³³. Ценностные ориентации, как и составляющие их социальные установки, могут быть и осознанными, и неосознанными.

В психологической теории установки обращает на себя внимание то обстоятельство, что «установки могут возникать не только под непосредственным воздействием актуальной ситуации, но и под влиянием воображае-

³⁰ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 150.

³¹ См. В. В. Водзинская. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании. «Философские науки», 1968, № 2, стр. 50.

³² Д. М. Угринович. Психология религии. М., 1969, стр. 30.

³³ Там же.

мой, мыслимой ситуации»³⁴. Это означает, что субъект может сам создавать свою установку и тем самым формировать свое поведение. Человек в этом случае освобождается от непосредственного влияния внешней среды, выделяет себя из этой среды («объективирует» ситуацию) и становится способным поставить вопрос о своем будущем поведении. Здесь мы имеем дело не со стихийно, бессознательно сформировавшимся поведением, а с поведением сознательным или «послесознательным». Именно такого рода установки лежат в основе нравственного поведения, как осознаваемого, так и неосознаваемого.

В связи со сказанным можно затронуть вопрос о поступках в так называемых экстремальных ситуациях, в ситуациях, требующих от человека героизма, самопожертвования и дающих ему на решение считанные секунды. Поневоле в такой ситуации поступок будет чаще всего иметь характер неосознанного порыва. Однако, будучи таким по своей психологической форме, этот поступок может побуждаться ранее сформированной человеком установкой (или системой установок — ценностной ориентацией), т. е. быть проявлением его сознательной воли.

Особое место в неосознаваемой нравственной деятельности принадлежит моральной *интуиции*, неосознаваемому нравственному чувству.

Вопрос о значении интуиции в морали редко затрагивается в нашей литературе. Одна из немногих точек зрения на этот счет представлена К. А. Шварцман, которая считает, что моральная интуиция действует лишь в наиболее простых ситуациях, суть которых очевидна³⁵. Однако тогда возникает вопрос: в чем же функциональное различие интуиции и привычки? К. А. Шварцман такого различия не проводит. Более того, с ее точки зрения, интуитивная оценка — это привычная оценка³⁶. На наш взгляд, моральная интуиция тем и отличается от нравственной привычки, что действует не только в простых, часто повторяющихся, но и в сложных ситуациях, когда привычных форм поведения

³⁴ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования, стр. 407.

³⁵ См. К. А. Шварцман. Теоретические проблемы этики. М., 1969, стр. 59—63.

³⁶ Там же, стр. 62.

оказывается недостаточно. Привычка (привычный способ поведения) — это алгоритм, который может с успехом действовать, когда ситуация в нравственном отношении достаточно проста и ясна. Иное дело с интуицией. Если в привычных формах поведения, в силу очевидности ситуации, а следовательно, и очевидности соответствующего ей поступка, из поля сознания выходит не только мотив этого поступка, но часто и нравственный характер, нравственное значение ситуации (т. е. тот факт, что здесь затрагиваются интересы других людей), то в интуитивных формах поведения, в силу сложности ситуации, ее нравственный характер часто актуально сознается, но выход из этой ситуации, нравственный выбор не представляется очевидным или достаточно ясным. В условиях, когда на размышления и обдумывание ситуации нет времени или когда чисто рассудочные средства оказываются недостаточными, этот выбор часто осуществляется интуитивно³⁷.

Способность интуитивного постижения действительности — это способность видеть целое раньше его частей. В этом она сродни взгляду на мир художника, эстетическому взгляду³⁸. Если наука сначала разбивает действительность на части, а потом из этих частей пытается создать некоторую целостную картину, что, впрочем, ей до конца так и не удается сделать никогда, то искусство берет мир в его нерасчлененности, во всем многообразии тонов и полутонов. Эта целостность, которую дает искусство и которая является характерным свойством интуиции, позволяет ей (интуиции) выполнять в нравственной практике следующие очень важные функции. В тех особо противоречивых ситуациях, которые принято называть конфликтными, где сталкиваются между собой нормы одной и той же системы морали и где рассудок часто оказывается беспомощным сразу найти правильное решение, развитая интуиция как бы собирает все нравственные нормы,

³⁷ Проявление общей идеи о неосознаваемом моральном выборе, как, на наш взгляд, верно отмечает А. Г. Спиркин, можно найти уже у Сократа в его «демоне», внутреннем голосе совести (А. Г. Спиркин. Сознание и самосознание. М., 1972, стр. 172).

³⁸ См. об этом: Э. В. Ильенков. Об идолах и идеалах. М., 1968, стр. 262—274.

применимые к данной ситуации, в один единый пучок и выводит «равнодействующую». Достоянием осознаваемого становится лишь эта «равнодействующая», конечный пункт, решение. Весь же путь, которым субъект пришел к решению, причины, мотивы выбора именно этого решения остаются неосознанными. Поэтому интуитивные поступки и интуитивные оценки внешне выглядят как немотивированные. На самом же деле, интуиция являет собой инструмент, при помощи которого субъект может быстро сориентироваться в ситуации и применить свои общие моральные принципы к данному конкретному случаю.

Повседневная действительность чрезвычайно сложна, и в ней не так часто представляются ситуации, в которых, чтобы поступить правильно, достаточно вспомнить применимый к данной ситуации нравственный принцип и дедуктивным путем вывести из него соответствующее конкретное решение. Тогда-то и приходит на помощь интуиция. В ситуациях, не терпящих промедления, когда рассудок не успевает взвесить все «за» и «против», интуиция мгновенно схватывает все мельчайшие обстоятельства данной ситуации. В условиях нехватки времени интуиция оказывается более гибкой в выборе линии поведения, чем рассудок. Она, принимая во внимание характер оцениваемой личности, позволяет осуществлять дифференцированный подход в моральных оценках. Иногда за одинаковые в нравственном отношении поступки один человек осуждается ею, другой — нет. Часто интуиция помогает за внешней благопристойностью человека увидеть его неблаговидную нравственную сущность, и, наоборот, она прощает внешнюю несообразность поступка, если за ней видит ценные моральные мотивы.

Разумеется, и интуиция может ошибаться, но это зависит от степени ее развитости. Степень же развитости интуиции прежде всего определяется богатством содержания морального сознания.

Привычными и интуитивными формами, по-видимому, не исчерпывается вся совокупность форм неосознаваемого морального поведения. Мы взяли их лишь в качестве примера, как наиболее характерные и часто встречающиеся. Следует также заметить, что в чистом виде они проявляются очень редко. Обычно неосознавае-

мые действия — это сложный сплав интуитивных, привычных и других форм.

Описанные выше формы неосознаваемого морального поведения, как и всякие моральные действия, — это всегда аспект, сторона, момент (правда, весьма существенный) социального действия. Из этого следует, что, будучи неосознанными в нравственном отношении, в нравственном аспекте, в других отношениях они могут быть вполне осознанными. Любое социальное действие обычно побуждается несколькими мотивами, в числе которых может быть и нравственный, придающий данному действию особое, выходящее за рамки этого действия, значение. Однако сам этот мотив, будучи ранее сознательно выбранным личностью и побуждая в данный момент ее действие, может актуально не сознаваться (по причинам, о которых мы уже говорили). *Неосознаваемой нравственной деятельностью*, таким образом, мы называем *деятельность, нравственный мотив которой актуально не осознан*. Поэтому неосознаваемую нравственную деятельность не следует отождествлять с полностью неосознаваемыми действиями (если о таких вообще можно говорить), т. е. ограничивать ее лишь сферой простейших привычек — автоматизмов или полностью импульсивных действий, вызванных инстинктивными влечениями. Неосознаваемый нравственный поступок — это чаще всего не такой поступок, который вообще не осознается, а такой, в момент совершения которого субъект не задается вопросом, *ради чего* он его совершает, каковы моральные мотивы, побудившие его совершить этот поступок.

Эту неосознаваемую моральную деятельность как деятельность специфически моральную, нравственный мотив которой лишь *актуально* не осознан, не следует смешивать с нравственно неосознанной деятельностью, нравственное значение которой *вообще* не осознано (т. е. нравственный мотив отсутствует), и не являющейся вследствие этого собственно моральной. Нравственно неосознанные действия, так же как и неосознаваемые моральные действия, нетождественны с действиями, полностью неосознанными в психологическом плане. Осознать в нравственном отношении — далеко не одно и то же, что просто психологически его осознать. Разумеется, нравственное осознание осуществляется как

психологическое осознание, иного способа и быть не может. Однако если в психологическом плане для того, «чтобы действие было признано осознанным, необходимо и достаточно осознание человеком его цели и хотя бы ближайших его последствий»³⁹, то для того, чтобы действие было признано нравственно осознанным, человек должен осознать не только объективное значение, но и субъективный личностный смысл данного действия, смысл, заключающийся в том, что это действие является реализацией какого-то нравственного требования, выступающего в качестве сильнейшего и наиболее высокого мотива, вследствие чего это действие приобретает для человека внутренне обязательный, нормативный характер и вследствие чего оно ощущается им как собственное действие, выполняемое свободно, независимо от внешней воли.

Если такого осознания (не обязательно актуального, в каждый данный момент) смысла действия нет, то нет и нравственного действия, а лишь «морально значимое». Человек может вполне отдавать себе отчет в своих действиях, поступать в соответствии со своим намерением, но при этом «забыть» посмотреть на дело с нравственной точки зрения, что, разумеется, не освобождает его от нравственной ответственности, поскольку такая «забывчивость» определяется не индивидуально-психологическими особенностями памяти, а нравственным развитием человека, его моральным обликом.

§ 2. Соотношение и взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых моментов в нравственном поведении личности

Неосознаваемое поведение в морали занимает очень большое место. Это объясняется прежде всего тем, что ни в какие другие социальные отношения человеку не приходится так часто вступать, как в моральные, вследствие чего у него вырабатываются устойчивые формы поведения и оценки, которые, будучи много раз повторенными, начинают функционировать неосознанно.

³⁹ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 280.

Другая причина заключается в том, что моральная регуляция осуществляется не на основе формально зафиксированных установлений. Вследствие этого реальные отношения, складывающиеся в коллективе, часто не осознаются его членами, но, несмотря на неосознанный характер (вернее, именно благодаря ему), эти неформальные отношения обычно поддерживаются более строго и неукоснительно, чем формальные.

Наконец, есть еще одно немаловажное обстоятельство. Повседневная быстротекущая действительность обычно требует от человека немедленной реакции. Поскольку же для актуального осознания субъектом нравственного поступка, выражающегося в соотношении поступка с той или иной моральной ценностью, необходимо определенное время, чаще всего эти нравственные реакции протекают без актуального осознания лежащих в их основе мотивов. Поступок совершается по привычке или интуиции.

Осознание поступка может наступить позже, в случае возникновения у субъекта сомнений в правильности своего поступка, вызванных, например, неодобрительной реакцией на этот поступок со стороны «значащих» окружающих или просто повышенной потребностью в самоанализе. Осознание мотива позволяет субъекту скорректировать свое поведение и впоследствии в схожих ситуациях поступать с учетом этой коррективы.

Тот факт, что неосознаваемая нравственная регуляция поведения осуществляется произвольно, как бы сама собой, позволяет назвать ее *саморегуляцией*. Такое понимание саморегуляции следует отличать от более широкого понимания саморегуляции как того, что является специфической особенностью моральной регуляции по сравнению с правовой, административной и прочими формами социальной регуляции, и означающего, что регуляция поведения осуществляется самим субъектом по внутреннему убеждению, а не внешне заданным стандартам. В сфере такого широкого понимания есть смысл выделять более узкое понимание саморегуляции как регуляции произвольной, привычно-интуитивной в отличие от осознаваемой. Овладение подобной формой регуляции означает, что человек в своем поведении освобождается не только от внешнего

диктата в виде правовых норм, общественного мнения и пр., но и от внутреннего принуждения, внутренней борьбы, колебаний. Его действия становятся естественными и непринужденными, совершаемыми не только из чувства долга, но и по сознательно выработанной склонности. Это не означает, что актуально осознаваемые поступки совершаются лишь из чувства долга. Однако для неосознаваемой регуляции склонность является обязательным компонентом поведения. Переход к такой форме моральной регуляции возможен лишь тогда, когда мотивы, лежащие в основе поведения, прочно укоренились в психике субъекта. В случае такого типа поведения можно быть уверенным в том, что для данного человека данный положительный поступок не является случайным, а следовательно, и в будущем от него можно ожидать таких же поступков. Это будет выгодно отличать данную личность от человека, совершившего похожий поступок, но не характерный в целом для его линии поведения. В последнем случае мы оценим поступок как случайный. Гегель, например, по этому поводу писал: «Если человек совершает тот или другой нравственный поступок, то он этим еще не добродетелен; он добродетелен лишь в том случае, если этот способ поведения является постоянной чертой его характера»⁴⁰. Таким образом, наличие привычно-интуитивных форм поведения, находящихся в единстве с осознаваемыми принципами, является одним из показателей высокого уровня нравственного развития личности⁴¹.

⁴⁰ Гегель. Сочинения, т. 7. М.—Л., 1934, стр. 186.

Другой вопрос, что в педагогических целях, возможно, следует, наоборот, особенно подчеркнуть положительный смысл данного нехарактерного поступка и тем самым стимулировать субъекта и в будущем к подобного рода поведению.

⁴¹ Вот почему никак нельзя согласиться с И. Н. Румянцевым в том, что привычное поведение представляет собой более низкий уровень, чем осознанный выбор (см. его статью «Моральный выбор как форма проявления нравственной свободы». «Вестн. Моск. ун-та», сер. философия, 1972, № 5, стр. 20). К тому же этот вывод находится в противоречии со всеми предыдущими мыслями его в целом неплохой статьи; в частности, с утверждениями о том, что человек сам способен вырабатывать в себе автоматизмы поведения (причем под последними он понимает не только простейшие привычки, но и черты характера) и что многие нравственные действия ценятся «тем выше, чем в меньшей степени они рассчитаны, являются результатом предварительного обдумывания» (стр. 14—16).

Описанные выше формы неосознаваемого морального поведения личности, поскольку они являются продуктом ее морального сознания, действуют обычно в согласованности и единстве с поведением, находящимся под непосредственным контролем сознания. Между этими видами поведения происходят постоянные взаимодействия и взаимопереходы. Осознаваемое, определяя и контролируя неосознаваемое, в то же время испытывает определенное влияние со стороны последнего. Некоторое осознаваемое нравственное содержание может со временем перейти в неосознаваемое, и, наоборот, то, что в данный момент не осознается, в следующий момент может войти в поле сознания. Поэтому об осознаваемом и неосознаваемом следует говорить лишь как о моментах в целом сознательной (в социологическом плане) нравственной деятельности.

Это единство осознаваемого и неосознаваемого в практической деятельности не исключает, однако, и различия между ними, порой весьма существенного. Дело в том, что изменения в осознаваемых убеждениях не влекут за собой прямо и автоматически изменения в поведении, управляемом неосознанными установками. Это создает возможность возникновения несоответствий между осознаваемым и неосознаваемым, переходящих иногда в конфликты. Именно этот факт возникновения противоречий между осознаваемым и неосознаваемым позволяет говорить об относительной самостоятельности неосознаваемой регуляции поведения, что заставляет обратить особое внимание на эту форму регуляции и учитывать ее в моральной оценке поведения.

Возможность конфликтов между осознанными ценностными ориентациями и реальным неосознаваемым поведением резко увеличивается, если под неосознаваемым иметь в виду не только «послесознательное» специфически нравственное поведение, но и «досознательное», стихийно сформировавшееся и стихийно функционирующее, поскольку в этом случае нарушение согласованности между осознаваемым и неосознаваемым может происходить как в результате развития морального сознания, изменения старых и появления новых ценностных ориентаций, так и в результате стихийного, заметного формирования новых форм поведения. Таким

образом, конфликт между осознаваемым и неосознаваемым — это результат происшедших изменений в одной из взаимодействующих сторон. Поэтому его нельзя рассматривать как что-то случайное или ненормальное. Напротив, он отражает процесс нравственного развития личности.

Назовем все возможные пути возникновения конфликтов между осознаваемым и неосознаваемым, учитывая, что изменения в любой из взаимодействующих сторон могут осуществляться как в нравственно-положительном, так и в нравственно-отрицательном направлении.

1. Один из путей возникновения такого конфликта состоит в том, что человек отказывается от своих старых взглядов, у него появляются новые моральные ориентации, а старые привычки могут еще долгое время давать о себе знать. Коренные перемены в жизни людей, каким была, например, Великая Октябрьская социалистическая революция, приносят новые идеалы, дают новое направление мыслям людей. Однако процесс перестройки психологии масс оказывается очень долгим и мучительным. В. И. Ленин писал о том, что «сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила»⁴², а «капитализм нам оставляет в наследство... тьму таких привычек, где на все государственное, на все казенное смотрят, как на материал для того, чтобы злостно его попортить... И в этой области борьба очень трудна»⁴³.

2. Возможен и противоположный случай, когда сознание оказывается более консервативным, а изменения происходят в подсознании. Человек старается придерживаться своих прежних, несостоятельных в новых условиях убеждений, но сама жизнь постепенно переделывает его, формируя у него новые формы поведения. И только лишь впоследствии, уже действуя иначе, человек постепенно осознает несостоятельность своих прежних моральных ориентаций.

3. Не столь часто, но все же встречается конфликт, возникший в результате изменения убеждений в нравственно-отрицательную сторону и противодействия им

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 265.

воспитанных ранее форм поведения, конфликт, подобный тому, который описал Ф. М. Достоевский в образе Раскольникова.

4. Наконец, последний вариант состоит в том, что у человека, придерживающегося положительных нравственных ориентаций, стихийно возникают противоречащие им формы поведения, в результате того, что когда-то этот человек один раз поступился своей совестью, не замечая этого (неосознанно) или оправдывая себя незначительностью ситуации, другой раз — то же самое и в конце концов незаметно, исподволь у него сформировались стойкие, постоянные, но в то же время неосознаваемые отрицательные формы поведения.

Этот вариант вместе с первым составляет наиболее распространенный тип конфликта, выражающийся в том, что личность может искренне принимать положительные нравственные принципы, считать их своими убеждениями и стремиться реализовывать их, но в большинстве случаев неосознанно проводить линию поведения, противоречащую принимаемым ею нравственным принципам⁴⁴. Наиболее распространенным этот тип конфликта является по той причине, что хотя зло иногда и выступает в своем неприкрытом виде (таковы описанные нами второй и третий варианты возникновения конфликтов; разумеется, с той оговоркой, что сама личность свои взгляды чаще всего не рассматривает как зло, но имеется в виду, что она понимает их несоответствие господствующим в данном обществе моральным нормам и тем не менее не скрывает их), чаще всего оно маскируется под добро⁴⁵. Такая «маскировка» нередко осуществляется при помощи сознательного обмана окружающих, лицемерия, притворства. Однако

⁴⁴ Обратим внимание на то, что этот тип конфликта не покрывает обширной проблемы противоречия между знанием и нравственностью, хотя, несомненно, является одним из ее аспектов.

⁴⁵ Добро в отличие от зла принимает противоположное обличье лишь в исключительных случаях, но и оно не любит проявляться слишком открыто, именно в силу своей природы. Для высоконравственных людей характерным является совершение добрых поступков не только незаметно для других, но и незаметно для себя в том смысле, что человек считает свои поступки само собой разумеющимися и не видит в них никакой своей заслуги.

в подобных случаях ни о каком конфликте между осознаваемым и неосознаваемым говорить не приходится. Конфликт возникает тогда, когда зло рядится в тогу добра не только перед окружающими, но и перед самим субъектом нравственной деятельности, когда человек, совершая аморальные поступки, искренне полагает, что руководствуется самыми добрыми намерениями и не осознает реальных порочных побуждений, лежащих в основе его поступков. Речь идет не о неправильном понимании добра и зла, а о том, что мы здесь сталкиваемся с действием так называемых «защитных механизмов психики», открытых З. Фрейдом и признаваемых современной наукой. Действие этих механизмов заключается в том, что неприемлемые для нравственного сознания личности побуждения вытесняются в сферу неосознаваемого.

И. С. Кон в книге «Социология личности» приводит пример того, как человек, неосознанно завидуя другому, может вследствие этого испытывать к нему антипатию. Но зависть, по глубокому убеждению этого человека, — недостойное чувство. Поэтому ему очень трудно осознать его в себе, и чтобы как-то объяснить себе и другим причину этой антипатии, он наделяет антипатичный объект различными отрицательными чертами, возводит малейшие недостатки этого человека в ранг неисправимых пороков⁴⁶. Таким образом, на место реальной причины подставляется надуманное, но зато приемлемое для нравственного самосознания личности объяснение, «защитный мотив».

Очень метко обрисовал в интересующем нас плане приспособление многих буржуазных социологов к действительности Б. Данэм. «Механизм приспособления, — пишет он, — обычно действует не на очень высоком уровне сознания, поскольку бесчестность тогда стала бы нетерпимо очевидной. И по мере того, как этот метод превращается в стандартный прием, эти действия переходят ниже в сферу бессознательного, пока не утрачивается всякое ощущение коллизии между истиной и без-

⁴⁶ См. И. С. Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 47. См. также его статью «Психология предрассудка» («Новый мир», 1966, № 9).

опасностью
образом мы
утверждения
либо еретико

Еще один
многие из
осознаны во
убеждениям.

следующим
своих героев,
его сын впут
ную историю,
меется, он с
подозревать е
предрассудкам
Анатолия, сын
стала какая-то

до его самолю
Конфликт
поскольку это
осознаваемым,
Именно поэтом
дений его реал
довольно долго
себя до такой
избежным. То,
осознание, д
«защитных мо
дуальных особ
дог К. Обухов
«мотивы защит
всего у личност
системой принц
которыми они
действительност
ногие виды дея
итных мотивов

Б. Данэм. Ги
«Знамя», 1970,
Обуховск

опасностью (! — Б. Н.). Натренированный подобным образом мыслитель никогда не выскажет ни одного утверждения, заставляющего его выглядеть либо ослом, либо еретиком»⁴⁷.

Еще один пример, иллюстрирующий тот факт, что многие из предрассудков обычно также бывают не осознаны вследствие их противоречия осознаваемым убеждениям. В романе А. Чаковского «Блокада» автор следующим образом описывает переживания одного из своих героев, академика Ф. В. Валицкого. «Мысль, что его сын впутался в какую-то романтически-мезальянсную историю, раздражала Федора Васильевича. Разумеется, он с негодованием отверг бы любые попытки подозревать его в приверженности к сословно-кастовым предрассудкам. И тем не менее сознание, что объектом Анатолия, сына академика архитектуры Валицкого, стала какая-то «фабричная девчонка», совсем не льстило его самолюбию»⁴⁸.

Конфликт между осознаваемым и неосознаваемым, поскольку это конфликт между осознаваемым и неосознаваемым, в явной форме человеком не осознается. Именно поэтому несоответствие принимаемых им убеждений его реальному поведению может продолжаться довольно долго, пока реальные побуждения не выявят себя до такой степени, что осознание их становится неизбежным. То, насколько быстро осуществится такое осознание, да и сама тенденция к использованию «защитных мотивов» зависят во многом от индивидуальных особенностей личности. Так, польский психолог К. Обуховский высказывает предположение, что «мотивы защитного характера проявляются прежде всего у личностей с особенно жесткой и разработанной системой принципов поведения; узкие и жесткие мерки, с которыми они подходят к разнообразной и изменчивой действительности сделали бы для них невозможными многие виды деятельности, если бы не применение защитных мотивов»⁴⁹. Следует согласиться с К. Обухов-

⁴⁷ Б. Данэм. Гигант в цепях. М., 1958, стр. 35.

⁴⁸ «Знамя», 1970, № 1, стр. 116.

⁴⁹ К. Обуховский. Психология влечений человека. М., 1972, стр. 32.

ским в том, что нетворческое, негибкое применение принципов поведения является причиной постоянных противоречий с действительностью и с самим собой, которые устраняются в голове субъекта при помощи защитных мотивов. В целом же широкое использование личностью защитных мотивов — это проявление ее несамокритичности, того, что у нее не воспитана способность к трезвой самооценке, объективному анализу своего поведения. В таких случаях, действительно, необходим своего рода «психоанализ», где бы в роли своеобразных «врачей-психоаналитиков» выступили бы окружающие данного человека люди, которые бы помогли ему осознать свои недостатки, ибо, как говорится, «со стороны виднее».

Иногда бывает достаточно такого осознания, чтобы личность начала действовать в другом направлении. Чаще же всего сам факт осознания реальных побуждений еще не означает ликвидации конфликта, как считал З. Фрейд, и в чем, собственно, и заключалась основная посылка метода психоаналитической практики. Факт осознания означает лишь то, что с этого момента конфликт между осознаваемым и неосознаваемым превращается в конфликт внутри сознания, в борьбу осознаваемых мотивов. Как разрешится данный конфликт, будет зависеть от того, какой мотив победит, какую моральную ценность выберет личность, и от того, сумеет ли она подчинить свои привычки этим сознательно выбранным ценностям.

В самом факте конфликта между осознаваемым и неосознаваемым, как мы уже говорили, нет ничего противоестественного. Этот конфликт отражает процесс нравственного развития личности. А поскольку такое развитие продолжается практически всю жизнь, то эти конфликты неизбежны у каждого человека. Однако по частоте их появления, степени остроты и продолжительности протекания мы судим о нравственной цельности, непротиворечивости, гармоничности той или иной личности. Не случайно, как показывают психологические исследования, наиболее заметные, бросающиеся в глаза конфликты, когда рядом и одновременно с осознанными положительными поступками неосознанно совершаются прямо им противоречащие отрицательные поступки, особенно часто наблюдаются в детском и юношеском возрастах, т. е. тогда, когда моральный

облик 50.
вания 50.
Поско

знаваемы
завершен
воречиво
условиях
же, как
осознаваем
большая
рицательны
убеждения

является сл
ступок, раз
степень осу
случае есть
ния, лежащ
рается изме
случай — бо
взгляды 51.

С другой
ступок вооб
условиях ос
противополо
Таким об
фактором, у
тельную мор
ства с убеж
устойчивы
конфликта
вину обстоя

50 См., напр
ых и неосозна
равленность л
5.

51 Сократ, п
рочный посту
давал предп
ратические с
том, кто дела
ше не поним
поднявшегося
дений. У нас
менения, ло
альной реали

облик личности находится лишь в процессе формирования⁵⁰.

Поскольку конфликт между осознаваемым и неосознаваемым является свидетельством определенной незавершенности нравственного развития личности, противоречивости ее поведения, поступок, совершенный в условиях такого конфликта, не может оцениваться так же, как поступок, совершенный на почве единства осознаваемого и неосознаваемого. Так, например, есть большая разница между человеком, совершившим отрицательный поступок неосознанно, вопреки своим убеждениям, и человеком, порочный поступок которого является следствием его убеждений. И тот и другой поступок, разумеется, будут оценены отрицательно. Однако степень осуждения будет различной. Если в первом случае есть надежда, что, осознав порочные побуждения, лежащие в основе его поступка, человек постарается изменить линию своего поведения, то второй случай — более трудный, поскольку здесь надо менять взгляды⁵¹.

С другой стороны, неосознанный положительный поступок вообще не будет иметь моральной ценности в условиях осознанного стремления данного человека к противоположной линии поведения.

Таким образом, неосознанность поступка является фактором, усиливающим положительную или отрицательную моральную оценку лишь в условиях его единства с убеждениями, ибо в этом случае мы имеем дело с устойчивым моральным поведением. В условиях же конфликта неосознанность является или «смягчающим вину обстоятельством» (в случае отрицательного по-

⁵⁰ См., например, М. С. Неймарк. О соотношении осознаваемых и неосознаваемых мотивов в поведении, характеризующем направленность личности подростков. «Вопросы психологии», 1968, № 5.

⁵¹ Сократ, правда, сравнивая того, кто совершает объективно порочный поступок сознательно, с тем, кто делает это невольно, отдавал предпочтение первому (см. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.—Л., 1935, стр. 145). Однако, говоря о том, кто делает зло невольно, Сократ имеет в виду человека, вообще не понимающего различий между добром и злом, вообще не поднявшегося на уровень моральной регуляции, не имеющего убеждений. У нас же речь идет о человеке, находящемся в процессе изменения, ломки самого себя, находящемся на пути к последовательной реализации возникших у него убеждений.

ступка), или фактором, снимающим положительную моральную ценность поступка, поскольку здесь мы сталкиваемся с поведением хотя и морально значимым, но не регулируемым индивидуальным моральным сознанием.

Остановимся теперь на той роли, которую играет осознаваемая регуляция нравственного поведения по отношению к неосознаваемым формам нравственного поведения.

Все, что мы выше говорили о значительной роли и месте привычно-интуитивных форм поведения, вовсе не уменьшает значения осознаваемой регуляции. Наоборот. Чем большее место занимают в поведении привычно-интуитивные формы, чем успешней они выполняют свои функции, тем значительней роль осознаваемой регуляции как той основы, на которой возникают указанные формы поведения. В формировании привычек и интуиции как преобладающих форм непосредственного реального функционирования морали и заключается одна из важных функций осознаваемой регуляции.

Выработав определенные моральные убеждения, человек старается воспитать в себе соответствующие им моральные привычки, побороть привычки, противоречащие этим убеждениям. Это достигается путем ежедневного, ежечасного строгого контроля за своими поступками, путем внутреннего самопринуждения, путем тщательнейшего анализа своего поведения. Подобная работа сознания приводит постепенно к тому, что поступки, для совершения которых вначале требовались огромные усилия воли, начинают совершаться легко и непринужденно, произвольно, т. е. вырабатывается привычка. Человек способен избавиться не только от привычек, сформировавшихся у него стихийно, под воздействием неблагоприятной среды, но и от привычек, которые он сам когда-то культивировал в себе, придерживаясь неправильных моральных ориентаций. Человек, таким образом, не является рабом собственных привычек.

Процесс формирования интуиции не выглядит непосредственно таким целенаправленным, как процесс выработки привычек. Однако именно эти сознательные

валевые ус
временно
здесь вполне
звенья логи
становится
жучные по
ным, очевид
ние — может
этого решени
ции в отлич
лишь в отдел
Возникновени
ние переходит
тов к момента
Эта чудесная
века в жизни.

Таким обра
натуру» — и ин
помощников в
дения. Осозна
лым руководит
работу, не меч
ществляет общ
линию, непосред
сложных и кон
сознания требу
разумение, не
Простой приме
своего товарищ
(«Сейчас увиди
по плечу») не
«беглос чтени
там, чуть ли не
тил?... Да нет,
нарочно... Глазо
Обиделся из-за
ыло...» и т. д.)
сихики, анализ
ценка ценностей
легкая работа

Б. Бушелев
1972, 26 марта.

волевые усилия, вырабатывающие привычку, одновременно незаметно формируют и интуицию. Связь здесь вполне понятна: перескакивание через отдельные звенья логической цепи, характерное для интуиции, становится возможным только потому, что эти промежуточные посылки стали для индивида чем-то привычным, очевидным. Другое дело, что конец цепи — решение — может быть вовсе не очевидным, и нахождение этого решения как раз и является прерогативой интуиции в отличие от привычки, которая может действовать лишь в отдельных, вырванных из общей цепи звеньях. Возникновение интуиции означает, что моральное сознание переходит от обдумывания и взвешивания аргументов к моментальному, «внезапному» принятию решения. Эта чудесная способность интуиции часто выручает человека в жизни.

Таким образом, формируя привычки — свою «вторую натуру» — и интуицию, сознание тем самым готовит себе помощников в своей нелегкой работе по регуляции поведения. Осознаваемую регуляцию можно сравнить с умелым руководителем, который не взваливает на себя всю работу, не мечется по мелким «текущим» делам, а осуществляет общее руководство, дает единую общую линию, непосредственно вмешиваясь лишь в наиболее сложных и конфликтных ситуациях. Обычно помощь сознания требуется, когда возникает какое-то недо-разумение, недопонимание, непонятная ситуация. Простой пример. Человек идет по улице и встречает своего товарища по работе. «Подсознательный прогноз («Сейчас увидит, обрадуется, пожмет руку, похлопает по плечу») не сработал, ожидания не оправдались. И «беглое чтение» поведения заменяется чтением по слогам, чуть ли не по буквам («Может он меня не заметил?.. Да нет, не мог, что я муха что ли?.. Нет, он нарочно... Глазом не повел... Лицо прямо каменное... Обиделся из-за того собрания?.. Так оно когда еще было...» и т. д.) Начинается погружение в пучины чужой психики, анализ деталей, построение гипотез, переоценка ценностей, принятие решений и т. п. А все это нелегкая работа»⁵². Таким образом, несмотря на то что

⁵² Б. Бушелева. Всерьез об этикете. «Комсомольская правда», 1972, 26 марта.

привычка и интуиция являются преобладающими формами регуляции поведения, наиболее трудная работа по непосредственной регуляции поведения остается все-таки за сознанием. Конфликтные ситуации, одну из которых в качестве примера мы только что показали, особенно ярко выявляют недостаточность привычно-интуитивных форм регуляции.

Сознание, однако, непосредственно включается не только тогда, когда происходит какое-то нарушение в плавном, привычном разворачивании действия. Дело в том, что превращение осознаваемой регуляции в неосознаваемую, будучи само по себе положительным фактом, таит в себе и определенную опасность: выйдя из-под непосредственного контроля сознания, правильные формы поведения могут, в чем мы имели уже возможность убедиться, незаметно вытесниться отрицательными привычками. Поэтому, сформировав привычки и интуицию, сознание время от времени подвергает их анализу, чтобы лишний раз убедиться в правильности поведения, не дожидаясь, пока возможные в них отклонения приведут к конфликту, т. е. проводит своего рода профилактику поведения. Продолжая аналогию с умелым руководителем, можно сказать, что сознание в отношении привычек и интуиции действует по принципу: «доверяй, но проверяй».

Далее. Если все же привычки в силу их очевидности довольно редко привлекаются на суд сознания, то интуиция далеко не всегда имеет характер самоочевидности. Часто это бывает лишь смутное чувство, неопределенная догадка, на основе которой принимается лишь приблизительное, самое первое решение, которое затем уточняется при помощи осознаваемой регуляции. Представим себе такую ситуацию. Человеку в завуалированной форме предлагают вступить в нечестную сделку. В ответ у него возникает отрицательная реакция, хотя он еще не осознает причины такой реакции. Он чувствует, что здесь «что-то нечисто», но что именно, он еще не может объяснить. Этого неосознанного чувства оказывается достаточно для того, чтобы принять решение отказаться от предложения, но уверенность в правильности этого решения может дать лишь последующее осознание нечестных мотивов, которыми руководствовались инициаторы сделки, осознание, превращающее

неопределенное
чувство гнева
Осознавая
интуиции в
подвержена
мость (слож
количество
рациональн
чае решение
кам. Это буд
Чаше все
ничивается с
иной мораль
или несоотве
ориентациям
но такого ос
принять реш
дения. Одна
нуть глубже
ступок, его б
ориентации.
описанием к
двух товари
возможные р
Допустим, ч
ции, нравств
свои и чужие
шимися до с
ниями, мор
осознание мо
это осознани
водит из на
ряет его. Пр
доподлинно
товарищ не
известны и
Причины эти
ориентаций,
действия сво
в конфликт
этого челове
тут, в самом
пится, погло

неопределенное ощущение чего-то нехорошего в сильное чувство гнева и возмущения.

Осознаваемая регуляция, явно уступая привычке и интуиции в скорости принятия решений, однако, менее подвержена ошибкам. Поэтому, когда есть необходимость (сложная ситуация) и возможность (достаточное количество времени), сознание проводит тщательнейший рациональный анализ ситуации, не доверяя в этом случае решение вопроса своим быстрым на руку помощникам. Это будет медленней, но верней.

Чаще всего осознание нравственного поведения ограничивается обычным соотнесением мотивов с той или иной моральной ценностью, установлением соответствия или несоответствия данного поведения тем моральным ориентациям, которых придерживается личность. Обычно такого осознания оказывается достаточно, чтобы принять решение относительно дальнейшей линии поведения. Однако иногда возникает необходимость «копнуть глубже» и подвергнуть анализу не только сам поступок, его ближайшие основания, но и сами моральные ориентации. Воспользуемся приведенным чуть выше описанием конфликтной ситуации случайной встречи двух товарищей по работе и попытаемся продолжить возможные рассуждения одного из участников ситуации. Допустим, что этот участник разобрался в сути ситуации, нравственно осознал эту ситуацию, т. е. соотнес свои и чужие действия в создавшейся ситуации с имевшимися до сих пор у него нравственными представлениями, моральными ориентациями. Однако такое осознание может не удовлетворить его, особенно если это осознание ему неприятно, если оно не только не выводит из нравственного конфликта, а, наоборот, обостряет его. Предположим, что данный участник ситуации доподлинно убедился, что непоприветствовавший его товарищ не мог его не заметить. Более того, ему стали известны и причины столь недружелюбного поступка. Причины эти таковы, что, исходя из своих моральных ориентаций, данный человек должен был бы осудить действия своего товарища. Однако нежелание вступать в конфликт может дать другое направление мыслям этого человека. «А может быть я зря обижаюсь? Что тут, в самом деле, особенного?.. Человек занят, торопится, поглощен своими мыслями... Разумеется, он меня

заметил... Ну и что?.. Почему, собственно, он должен бросаться мне на шею?.. » Или (в случае другой причины): «А может быть, все-таки не следовало мне тогда выступать на собрании?.. Ну чего я добился?.. Дело как-шло, так и идет по-прежнему, а я потерял хорошего товарища...». Т. е. начинают меняться сами представления о должном, понятия о радушии, вежливости, принципиальности, товариществе.

Таким образом, осознание оснований поступка может проходить два этапа (уровня), выделенных нами в 1-й главе: 1) осознание ближайших оснований поступка, его мотивов, 2) осознание оснований соответствующей поступку моральной ориентации. Дойдет ли осознание поступка до второго уровня, будет зависеть от характера ситуации, характера проблемы и многих других факторов. В обыденной действительности осознание поведения осуществляется чаще всего лишь на первом уровне. Более того, сама попытка поставить вопрос о правомерности общепринятых моральных ориентаций может показаться кощунственной. Однако при определенных условиях (как в вышеописанном примере) или, скажем, в определенный возрастной период (юность) эти вопросы встают, и тогда «теоретическое» осознание поведения становится неизбежным. Особенно велика роль этого уровня осознания в сфере идеологии и воспитания.

Таким образом, отдавая должное привычно-интуитивным формам как наиболее массовидным, чаще всего встречающимся формам нравственного поведения, решающее значение следует признать за осознаваемой моральной регуляцией.

Сформулирую

в данной раб

1. Сравне

бами социали

что она пред

своего поведе

ся к личности

логике морал

ванности в ни

ния следоват

требований э

не просто зна

полнять их, а

объективную

моральных т

ные. Можно

требований э

соответствующ

ностный смы

если субъект

моральными

моральными

рал

ве

тя

на

зн

то

че

ся

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем основные выводы, к которым мы пришли в данной работе.

1. Сравнение моральной регуляции с другими способами социальной регуляции выявляет ту ее особенность, что она представляет собой саморегуляцию личностью своего поведения. Моральные требования предъявляются к личности таким образом, что выполнение их по логике морали в принципе невозможно без заинтересованности в них самой личности, без сознательного желания следовать им. Внутренний смысл, логика моральных требований заключаются в том, что личность должна не просто знать моральные требования и формально исполнять их, а осознать (т. е. понять и почувствовать) объективную необходимость и личностный смысл этих моральных требований и принять их как свои собственные. Можно сказать, что внутренний смысл моральных требований заключается в том, что они должны иметь соответствующий значению моральных требований личностный смысл. При отсутствии этого условия, даже если субъект следует тому, что внешне предписывается моральными требованиями, его действия хотя и имеют моральное значение и вследствие этого подлежат моральной оценке, но не являются специфически нравственными. Существенной особенностью моральной регуляции является, таким образом, единство объективного значения и личностного смысла моральных требований, единство, в идеале стремящееся к совпадению. Иными словами, моральное требование имеет для субъекта смысл само по себе, а не как средство для какой-то другой цели. Если исполнение юридических норм мотивируется (в своем «чистом» виде, без примешивания мо-

ральной мотивации) угрозой наказания; соблюдение обычая — мнением окружающих, то мотивом следования моральным требованиям является само моральное требование, заключенная в нем объективная необходимость. Моральные требования должны соблюдаться не потому, что нарушение их повлечет за собой определенные идеальные (а косвенно иногда и материальные) санкции со стороны окружающих, а потому, что субъект сам убежден в их необходимости, и это убеждение позволяет ему противодействовать любым внешним влияниям и внутренним побуждениям, не отвечающим этой необходимости.

2. Такого характера мотивация поведения, т. е. моральная мотивация, в процессе онтогенеза впервые возникает, согласно данным психологии, в старшем дошкольном возрасте, когда ребенок начинает выполнять моральные требования не ради того, чтобы получить одобрение взрослых, а ради самих этих требований, объективную необходимость которых он уже способен почувствовать на собственном опыте. Возникновение моральной мотивации означает, что если раньше смысл, который имели для ребенка моральные требования, лежал *вне* этих требований, то теперь он перемещается *внутри* их.

Подобное усвоение моральных требований позволяет ребенку быть относительно самостоятельным в отношениях с окружающими и относительно независимым от внешних влияний и собственных произвольных побуждений. Однако вплоть до юношеского возраста ребенок еще не способен осуществить самостоятельный выбор своих моральных ориентаций: здесь он ориентируется на требования взрослых и нормы поведения, стихийно складывающиеся в коллективе сверстников. Новое объективное положение, формирование мировоззрения и другие факторы обуславливают в юношеском возрасте переход к самостоятельному выбору и сознательному формированию моральных ориентаций. Таким образом, в процессе формирования личности в онтогенезе можно выделить три этапа: а) этап доморального поведения, когда поведение определяется внутренними произвольными побуждениями (до старшего дошкольного возраста). Это, можно сказать, этап господства субъективности в поведении; б) этап ориентации на заданные

извне моральные требования (до юношеского возраста). Здесь уже осуществляется переход от чистой субъективности к «интерсубъективности»; в) и, наконец, этап ориентации на собственные моральные принципы, которые, будучи обоснованы самим субъектом, становятся объективной основой его поведения (юношеский возраст). Здесь, таким образом, достигается единство субъективного и объективного в детерминации поведения. На этом этапе индивид становится способным не только обосновать поступок при помощи заданных моральных требований (2-й этап), но и обосновать сами моральные требования при помощи некоторых объективных факторов.

3. Обоснование моральных ориентаций может осуществляться на эмпирическом, логическом или научно-теоретическом уровнях.

В работе подвергнута критике точка зрения эмотивистской этической школы, отрицающей возможность научно-теоретического обоснования моральных требований. Будучи отражением социально-исторических закономерностей, моральные требования вполне могут быть объяснены и обоснованы при их помощи. Моральные оценки могут выступать не только в качестве объектов научного анализа (что не отрицают и эмотивисты), но и в качестве научных выводов, превращаясь тем самым в этические оценки. Однако такое превращение осуществляется лишь на завершающем этапе этического исследования, в области нормативной этики. Преждевременный переход к оценкам-выводам означал бы внесение в этику обыденно-оценочного подхода, т. е. морализации.

Понимание социально-исторических основ моральных требований, которого можно достигнуть научно-теоретическим путем, является условием для достижения личностью высшего уровня нравственной сознательности, когда она, следуя моральным требованиям, осознает не только ближайшие общественные последствия своей линии поведения, но и отдаленные.

4. Однако этическое знание, как и вообще моральное знание, еще не обеспечивает не только перехода на указанный высший уровень нравственной сознательности в поведении, но и обычного нравственного поведения, соответствующего данным моральным знаниям. Для того чтобы эти знания стали регулятором, мотивом по-

ведения, необходимо, чтобы они приобрели для человека соответствующий личностный смысл. Последний же приобретается непосредственно в практике жизненных отношений и зависит от того, насколько эти жизненные отношения соответствуют данным моральным знаниям. «Смыслу не учат, смысл воспитывается»¹ и воспитывается прежде всего самой жизнью. Это не умаляет роли нравственного просвещения, но подчеркивает необходимость и в нравственном просвещении ставить конечной целью не обучение «значению» моральных требований, а раскрытие их личностного смысла, что возможно сделать лишь путем апелляции к жизненной практике объектов воспитания, т. е. путем сочетания всех трех указанных выше способов обоснования моральных требований.

5. Для реализации сознательно выбранных моральных ориентаций требуются соответствующие средства, т. е. соответствующие конкретные поступки. Это соответствие должно быть установлено в двух отношениях: нравственном и операциональном. Наличие этих условий ведет к адекватной реализации мотива в результате поступка. Сложное стечение обстоятельств, которое в принципе не мог предвидеть субъект, способно воспрепятствовать достижению лишь *предметного* результата, к которому стремился субъект в своем нравственном действии, но не в его силах свести на нет *нравственное* значение (результат) этого действия. Если же субъект по зависящим от него причинам не смог предвидеть последствия своих действий и выбрать соответствующие целям средства, то в этом случае будет разрушен не только предметный, но и нравственный результат действия, ибо такое действие будет проявлением *безответственности*. Таким образом, то, насколько будет достигнут нравственный результат действия, и является решающим критерием нравственной оценки поведения.

6. На основании проведенного в работе различения понятий осознанности и неосознанности в социологическом и психологическом аспектах, а также различения в психологическом понятии неосознанности двух его

¹ А. Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. «Известия АПН», вып. 7, 1947, стр. 31.

разновидностей, «досознательного» и «послесознательного», и исходя из сформулированных в работе представлений о специфике морали автор пришел к выводу, что понятие неосознанности может быть применимо к нравственному поведению лишь в смысле «послесознательного» поведения, т. е. такого поведения, мотивы которого были ранее сознательно выбраны индивидом, но затем, в силу того что они прочно и органично усвоены личностью, приобрели актуально неосознаваемую форму. Эти «послесознательные» мотивы «имеют лишь фенотипическое и функциональное сходство с непосредственными мотивами (т. е. с побуждениями, сформировавшимися в основном помимо сознания личности. — Б. Н.), на самом же деле являются сложными опосредствованными мотивами по своему происхождению и внутренней природе»². С социологической точки зрения эти мотивы являются *осознанными* мотивами.

Что же касается «досознательного» поведения, т. е. поведения, мотивы которого хотя и отразились в голове субъекта, но еще не были им осознаны, то его нельзя назвать специфически нравственным, поскольку здесь индивид выступает скорее объектом внешних или внутренних произвольных воздействий, чем субъектом своего поведения. Такое поведение в зависимости от того, имел ли индивид возможность осознания этих мотивов, является либо неморальным, либо морально значимым, но не регулируемым индивидуальным моральным сознанием.

7. Неосознаваемое моральное поведение не следует отождествлять с полностью психологически неосознанными действиями (хотя оно может быть и таковым). Поскольку нравственное поведение — это всегда сторона, аспект любой иной деятельности, то неосознаваемое моральное поведение — это деятельность, в которой актуально не осознан именно этот аспект. В других же отношениях эта деятельность может быть вполне осознанной.

8. Неосознаваемое моральное поведение проявляется обычно в привычных и интуитивных формах. Основное

² Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, стр. 245—246.

функциональное различие этих форм заключается в том, что если нравственно привычное поведение осуществляется в достаточно простых и часто повторяющихся ситуациях, то моральная интуиция (неосознаваемое нравственное чувство) осуществляет выбор в наиболее сложных, иногда конфликтных ситуациях и в тех условиях, когда на рациональный анализ этой ситуации нет времени.

Наличие форм неосознаваемого морального поведения, находящихся в единстве с сознательными принципами, является показателем высокого уровня нравственного развития личности, такого уровня, где поведение приобретает устойчивый характер и совершается не по внутреннему принуждению, а по сознательно выработанной склонности. Неосознаваемая моральная регуляция, будучи формой закрепления накопленного личностью нравственного опыта, делает поведение более устойчивым и оперативным.

9. Обычно осознаваемое и неосознаваемое в моральном поведении функционируют в единстве и согласованности, во взаимопереходах и взаимовлияниях. Однако не исключены и конфликты, которые отражают процесс изменений, происходящих в нравственном развитии личности. В этом случае неосознаваемое поведение теряет собственно моральный характер и вследствие этого оценивается иначе, чем неосознаваемое поведение, находящееся в единстве с сознательными принципами. Нравственная неосознанность поступка является или «смягчающим вину обстоятельством» (в случае отрицательного поступка), или снимающим положительную моральную ценность поступка фактором.

10. Во взаимодействии осознаваемой и неосознаваемой регуляции поведения решающую роль играет осознаваемая регуляция, поскольку, во-первых, сами привычно-интуитивные формы являются результатом, продуктом осознаваемой регуляции и функционируют под ее контролем и, во-вторых, наиболее сложные и конфликтные вопросы решает само сознание, делая в случае необходимости своим предметом не только данную ситуацию, поступок, но и соответствующие моральные ориентации.

* * *

Теорети
необходим.
нравственн
рые часто
Правиль
от человека
ний (это н
наилучшим
совершать
ный нравст
ленные зна
рационализ
ционализм,
ность (пере
нальность, м
тяжении все
Сознание
животного,
вать его во
по преобраз
человеку бь
себя таковы
затруднять
голос совест
ным стереот
и запутанн
ная действи
Этот рац
нерациональ
«мудростью
конечном сч
Способно
раздумывая
и мучительн
ством. Толь
гласия меж
несомненно,
нию стояще
ния вс
ловек
ный ;

Теоретический анализ, проведенный в данной книге, необходим, на наш взгляд, для решения практических нравственных вопросов. Причем таких вопросов, на которые часто даются противоположные ответы.

Правильное нравственное поведение часто требует от человека не только добрых чувств и хороших намерений (это необходимо, но не достаточно), но и умения наилучшим образом воплощать их в поступках, умения совершать в сложных жизненных ситуациях оптимальный нравственный выбор, для чего необходимы определенные знания, рациональный анализ ситуации. Такой рационализм в морали — рационализм без кавычек, рационализм, антиподами которого являются иррациональность (переходящая подчас в глупость), или иррациональность, мистика, мы и попытались обосновать на протяжении всей книги.

Сознание — это свойство, отличающее человека от животного, и человек обязан наиболее полно использовать его во всех сферах и аспектах своей деятельности по преобразованию мира. Только сознание позволяет человеку быть действительно свободным, а не мнить себя таковым, действуя лишь импульсивно, не желая затруднять себя обдумыванием выбора, принимая за голос совести привычку действовать по внешне заданным стереотипным схемам, не применимым в сложных и запутанных ситуациях, которыми изобилует реальная действительность.

Этот рационализм нельзя смешивать с тем воистину иррациональным «рационализмом», отождествляемым с «мудростью ужа», с «позорным благоразумием» и в конечном счете с эгоизмом.

Способность действовать в случае необходимости «не раздумывая» является результатом предыдущих долгих и мучительных раздумий, а не изначально данным свойством. Только на этом пути возможно достижение согласия между разумом и чувствами человека. А это, несомненно, имеет непосредственное отношение к решению стоящей перед нашим обществом задачи воспитания всесторонне и гармонически развитого человека, человека, у которого помимо всего прочего будет страстный добрый ум и умные добрые чувства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Уровни осознания личностью нравственного поведения	9
§ 1. Мораль как способ сознательной саморегуляции личностью своего поведения	9
§ 2. Уровни осознания нравственного выбора в онтогенезе	19
§ 3. Уровень сознательного выбора личностью моральных ориентаций (Роль этики в формировании морального сознания)	34
§ 4. Уровень сознательного выбора личностью конкретных поступков	44
Глава II. Неосознаваемое нравственное поведение личности и его взаимодействие с осознаваемым поведением	53
§ 1. «Бессознательное» и мораль. Понятие неосознаваемого нравственного поведения	56
§ 2. Соотношение и взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых моментов в нравственном поведении личности	74
Заключение	89

ОСОЗНАВАЕМОЕ И НЕОСОЗНАВАЕМОЕ В НРАВСТВЕННОМ ПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Тематический план 1976 г. № 20

Редактор *И. Б. Куделько*

Художник *В. С. Казакевич*

Художественный редактор *В. В. Воронин*

Технический редактор *Н. А. Лебедева*

Корректоры *Л. С. Ключкова, Л. А. Костылева*

Сдано в набор 27/VIII 1975 г. Подписано к печати 21/V 1976 г.
Л-54677 Формат 84×108¹/₃₂ Бумага тип. № 3 Физ. печ. л. 3,0
Усл. печ. л. 5,04 Уч.-изд. л. 5,11 Изд. № 2584 Заказ 312
Тираж 8560 экз. Цена 31 коп.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ, Москва, Ленинские горы

НОСТЯ

СМЕР

1 1/2 1/2 1/2
1 1/2 1/2 1/2
1 1/2 1/2 1/2

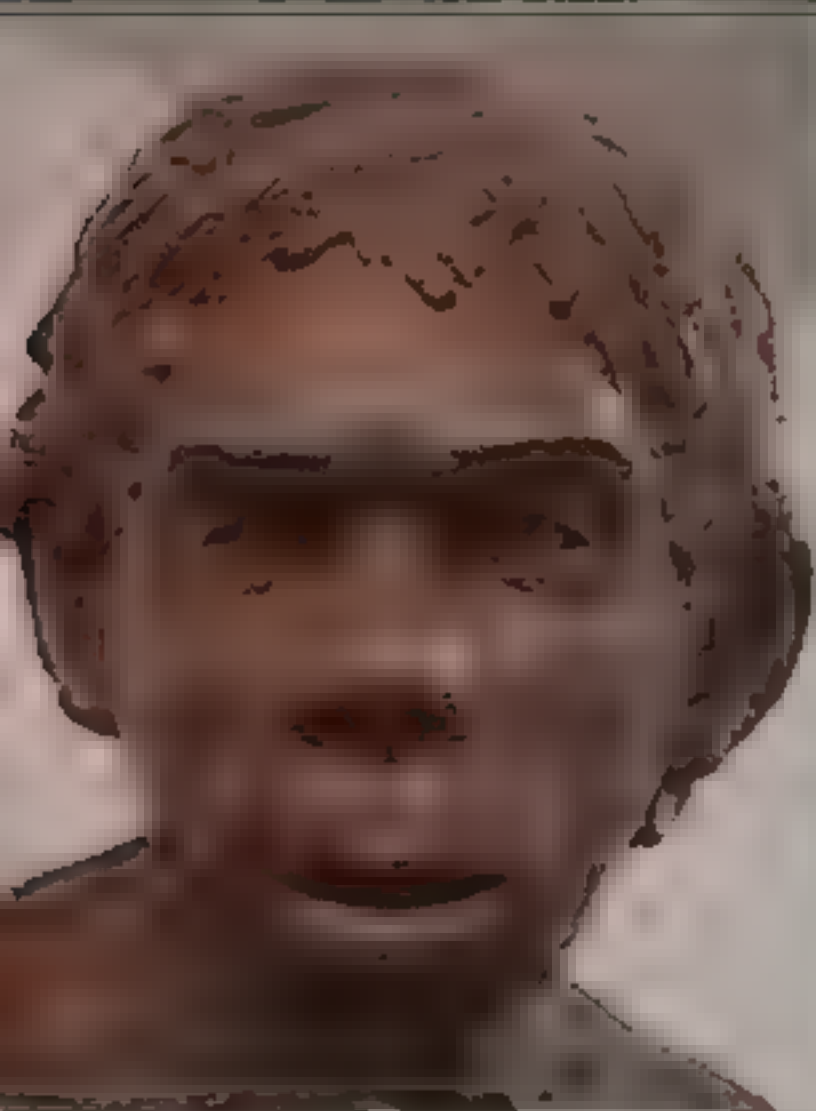
Цена 31 коп.

10

Женщины неандертальцы

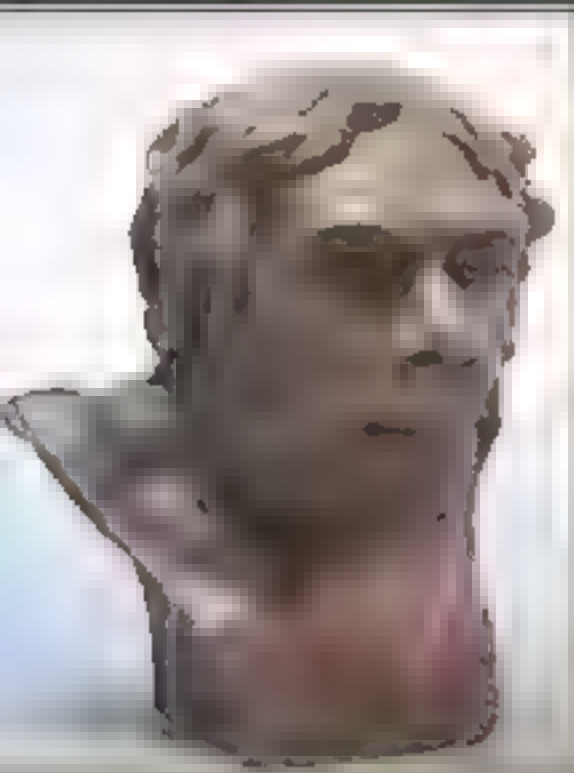

Неандертальский ребенок

В Узбекистане в 1938-39 годах археологом А.Окладниковым была открыта стоянка мустьерской культуры и обнаружены останки скелета (череп и некоторые кости) мальчика-неандертальца (по последним данным – девочки) 8—9 лет. Череп из пещеры Тешик-Таш характеризуется большой вместимостью (1490 см³), надглазничным валиком, выступающим носом. В культурных слоях (до 1,5 м толщины) найдены кости горного козла, дикой лошади, медведя, оленя и других животных, а также многочисленные каменные изделия (дисковидные нуклеусы, скребла и другие). Основным источником существования обитателей пещеры, была охота.

Большой нос, строение челюстей и зубов как у Человека гейдельбергского, лишь зубы меньше. Лоб более низкий и покатый, чем у современных людей, сильно выступающий затылок (долхоцефальный череп). Строение скелета свидетельствует о приспособлении к холодному климату ледникового периода: короткие ноги по сравнению с современным человеком, коренастое мускулистое тело. Останки найдены в Европе на Ближнем Востоке, Кавказе, Крыму, Средней Азии. Добывали огонь. Питались мясом крупных животных. Встречался каннибализм. Возникли религиозные верования. Неандертальцы первыми из людей стали заботиться о стариках и хоронить умерших.

Неандертальцы

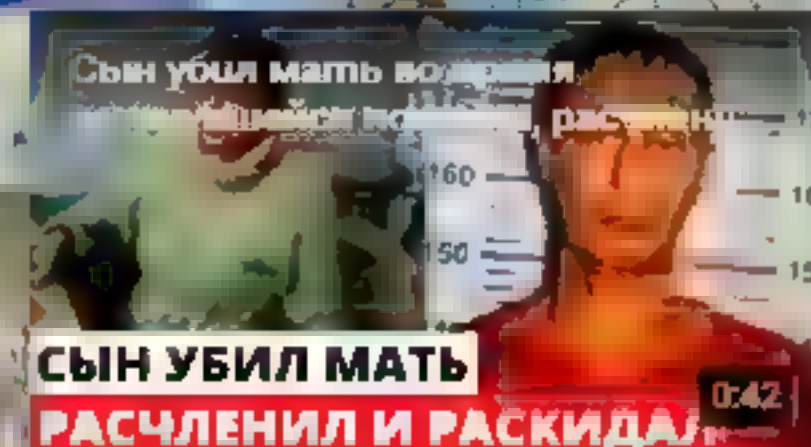
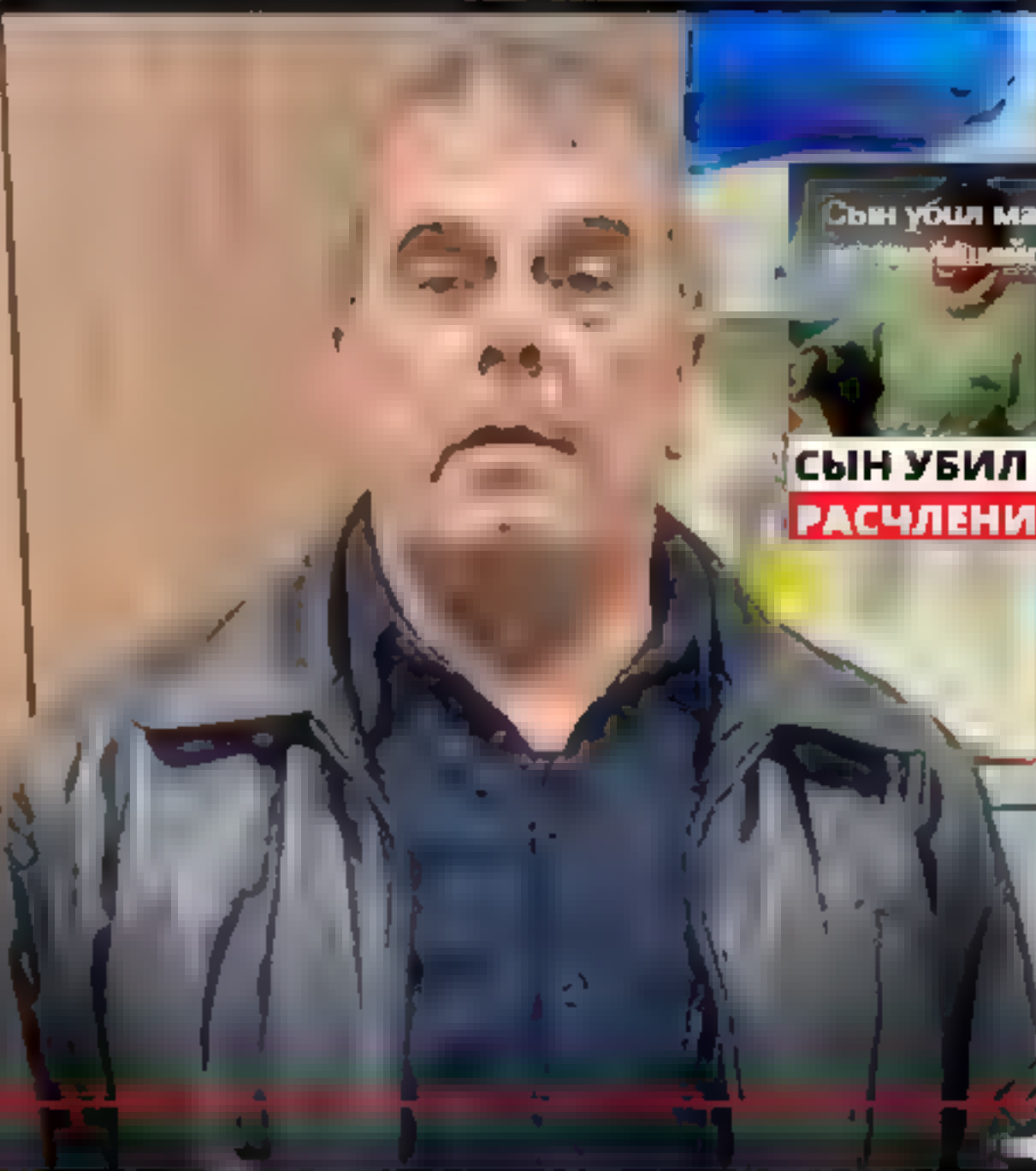
Неандертальцы, ископаемые древние люди, создавшие археологические культуры раннего палеолита. Скелетные остатки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Время существования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили исследования генетического материала неандертальцев, они, видимо, не являются прямыми предками современного человека.

YouTube

Задайте вопрос

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостiana

797 просмотров.

34

НЕ
НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

+ СОХРАНИТЬ

...

Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Токаев назвал происходящее в Казахстане атакой.

Рейтинг: 4

34 тыс. подписчиков

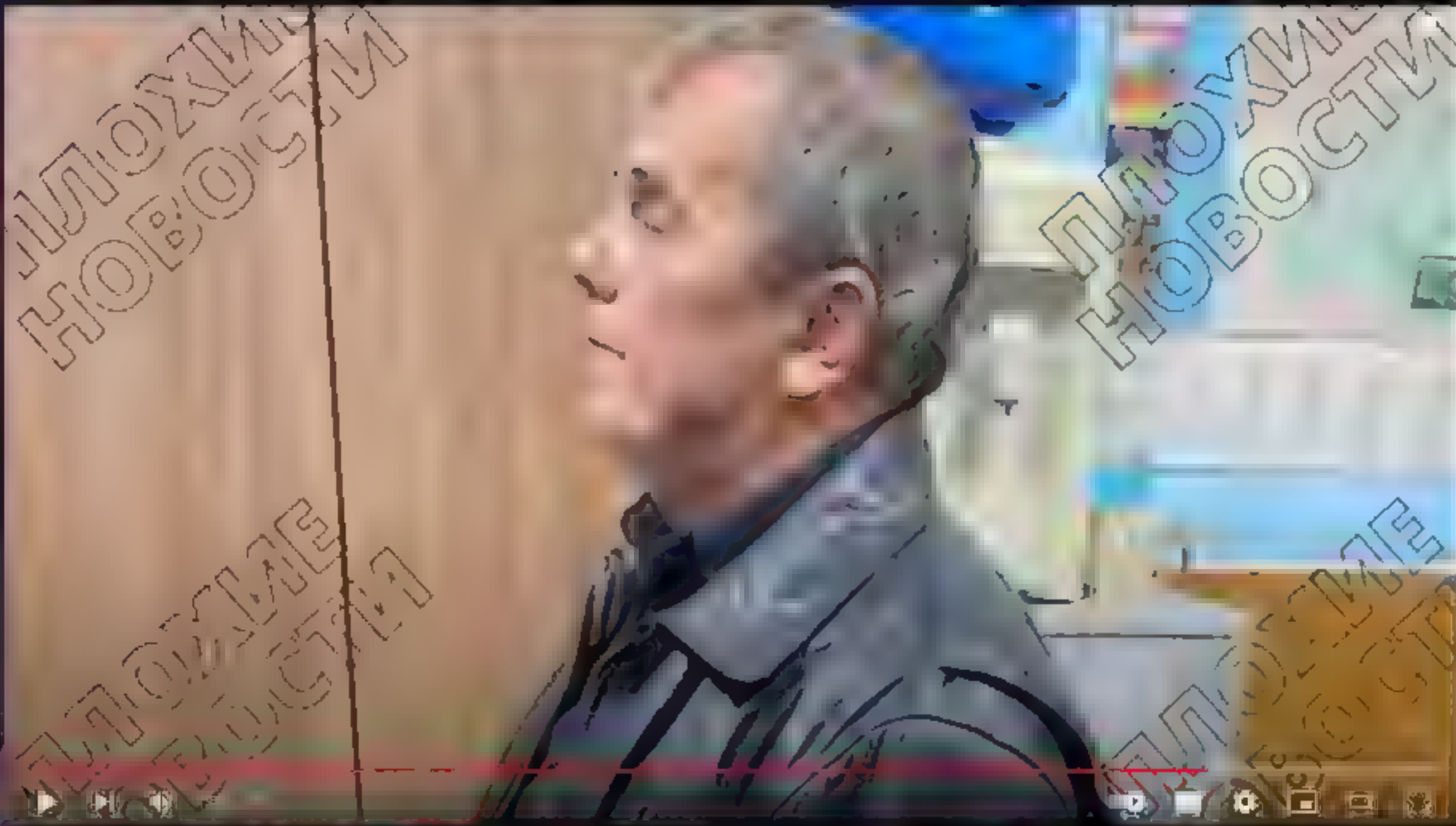
Девушка

Наринка

Самостоятельно записала

Защитите загрузку

В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостианапa

590 просмотров

32

НЕ

НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Русские сенсации
"Последний бой полковника"

4:45:01
17:58:16

Следствие ведут ЗнаТоки.
Дело № 1-22. Все серии

Новости и Происшествия - 100% 100%

В Питере задержан тип пристававший к 13-летней девочке в метро с коллекцией детского видео

96 просмотров

5

НЕ

НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

В Казахстане разрешен огонь на поражение на руку ли.

См. также видео

100% просмотров

6 на 15 секунд

100%

См. также видео 3mTok

RU

13:43

08.04.2022

Кроманьонец – от 195 тыс. лет назад

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

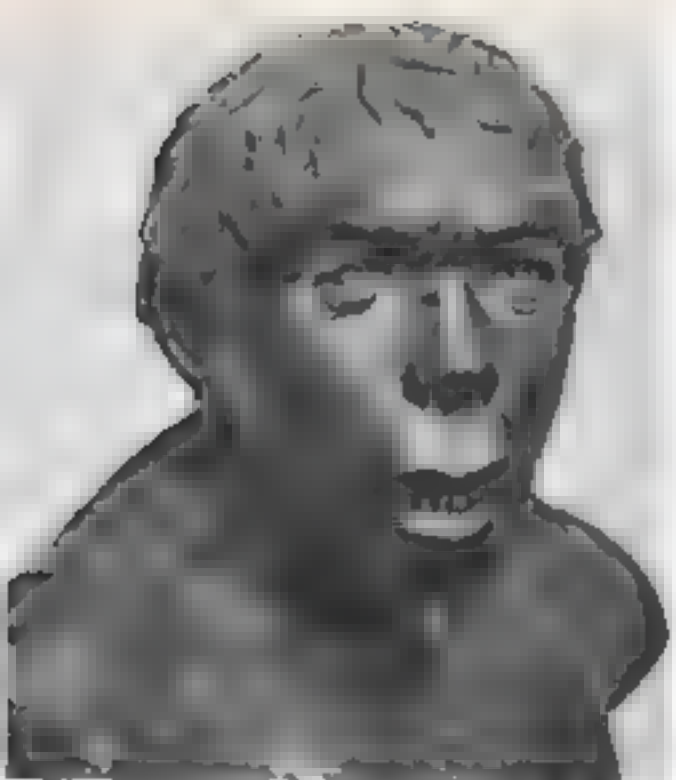

Рис. 1. Неандертальский человек.

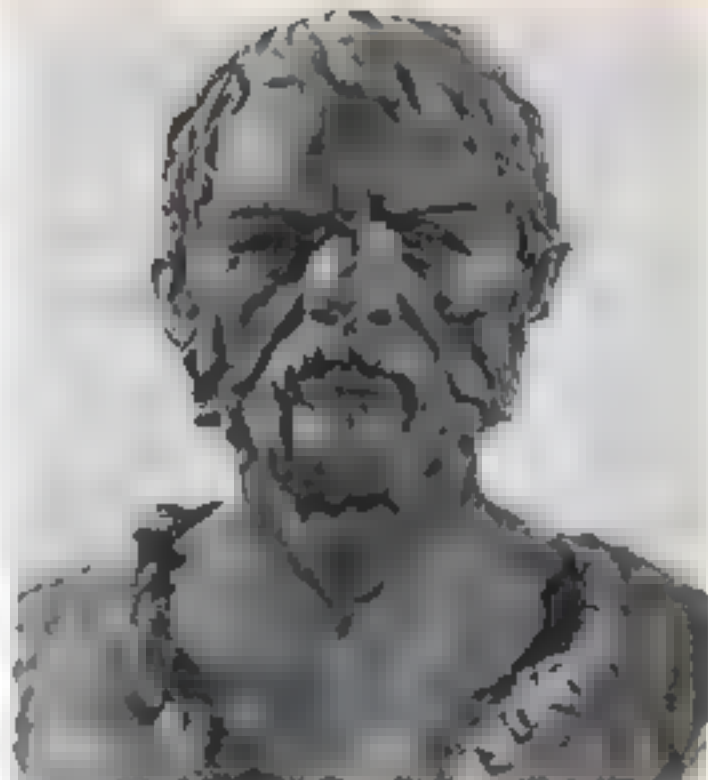

Рис. 2. Неандертальский человек.

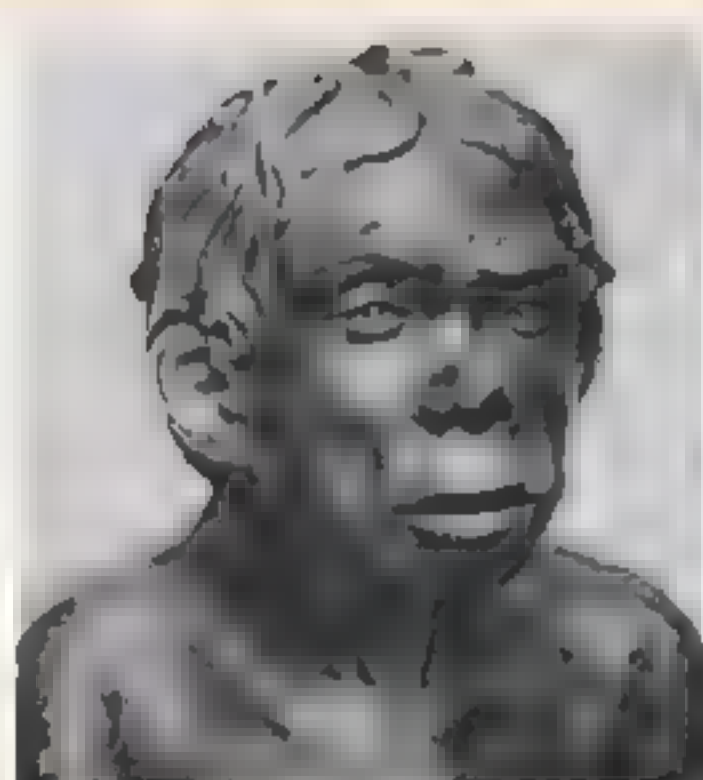

Рис. 3. Неандертальский человек.

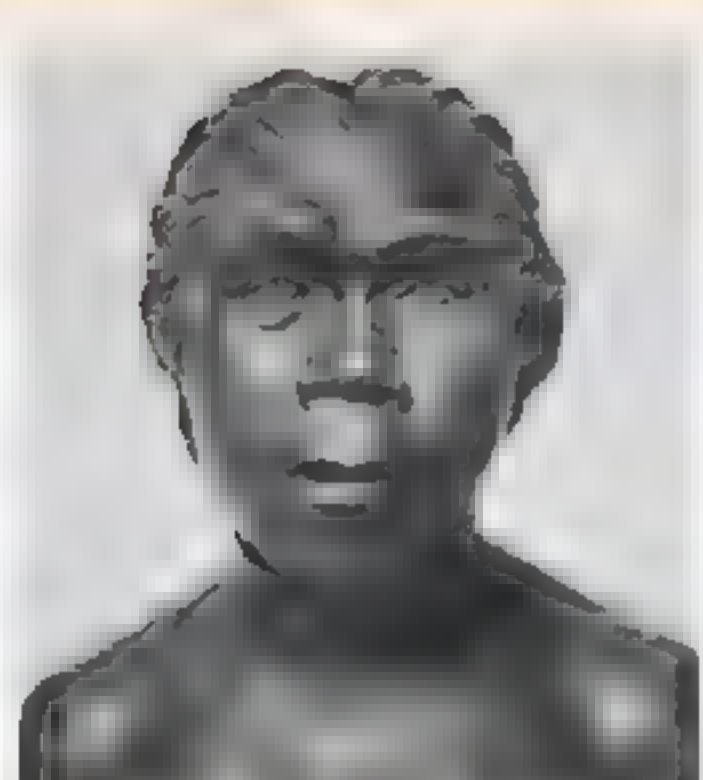

Рис. 4. Неандертальский человек.

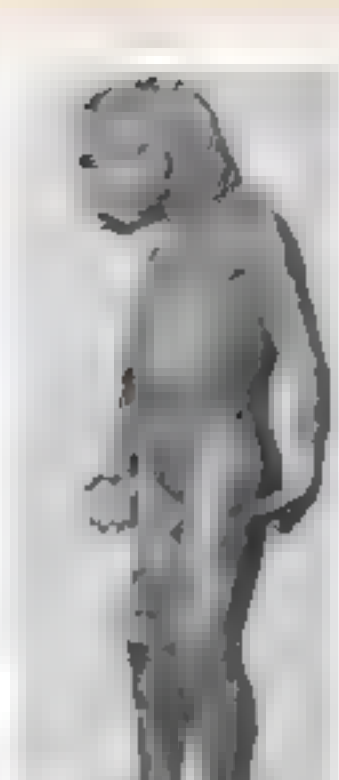

Рис. 5. Неандертальский человек.

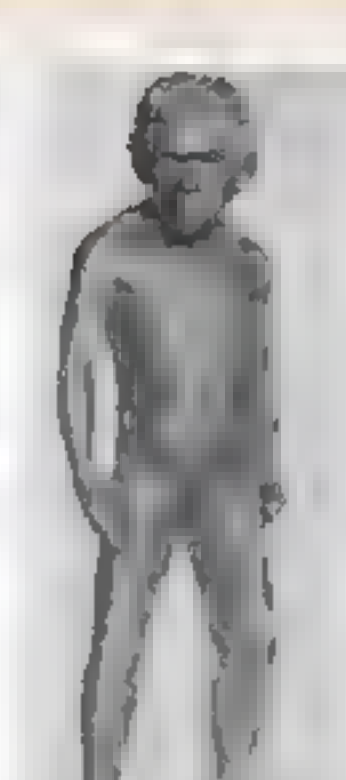

Рис. 6. Неандертальский человек.

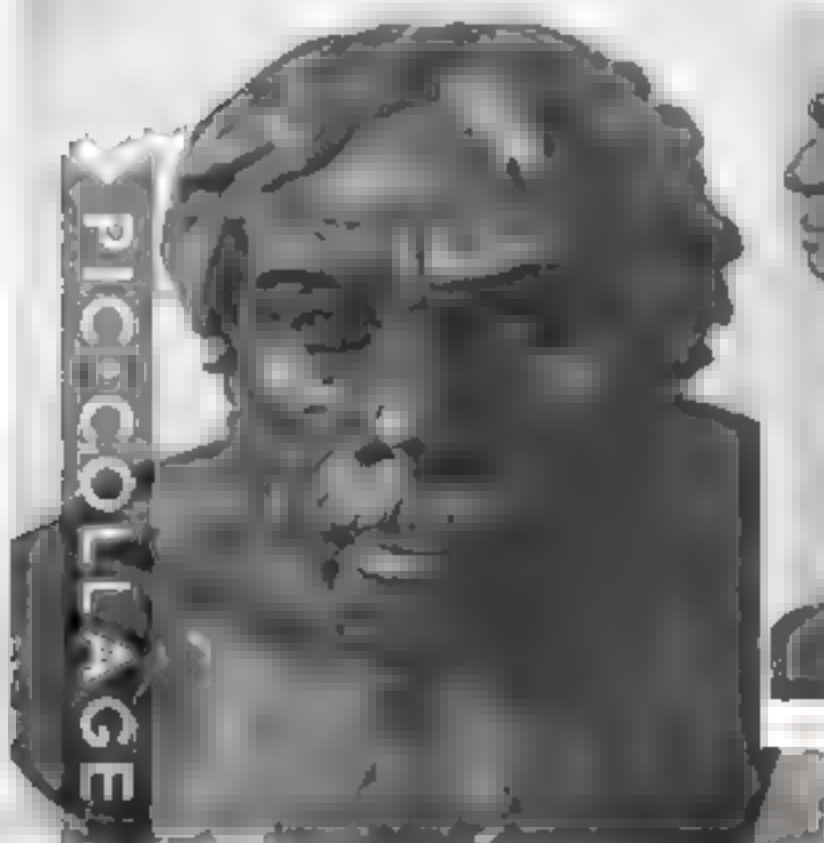

PHOTO-COLLAGE

Рис. 7. Неандертальский человек.

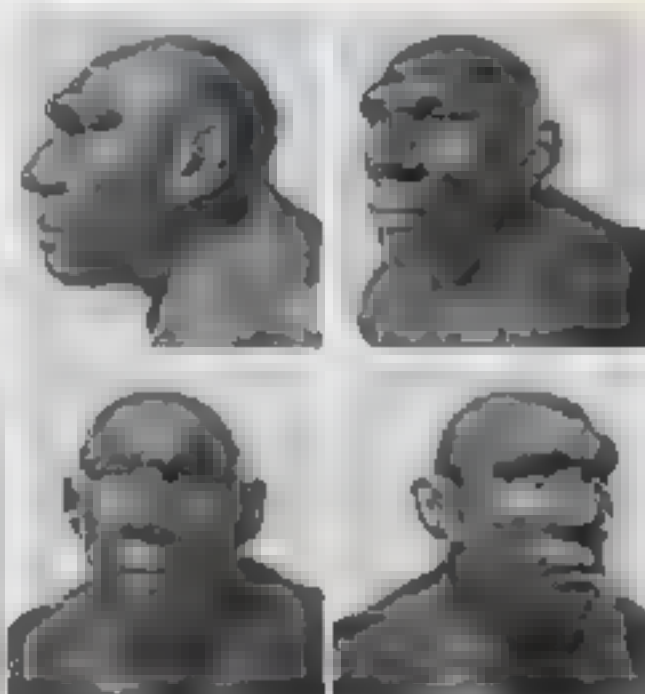

Рис. 8. Неандертальский человек.

Рис. 9. Неандертальский человек.

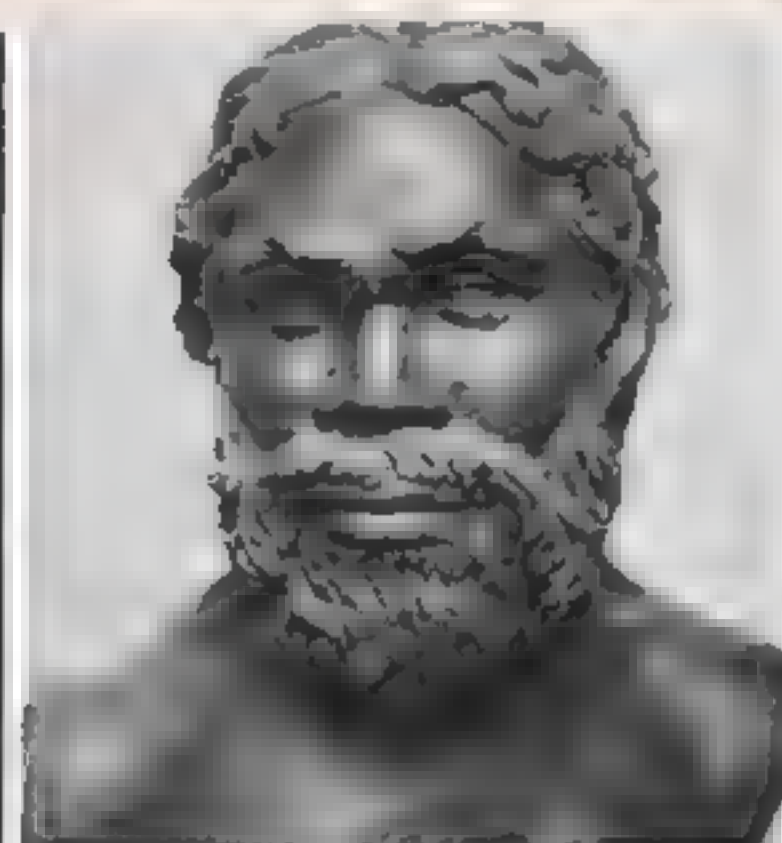

Рис. 10. Неандертальский человек.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

DEATH

П. Н. Тарновской

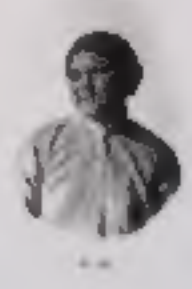
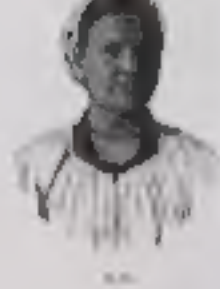
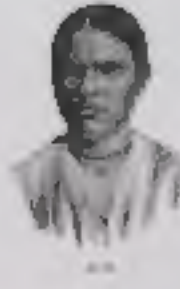
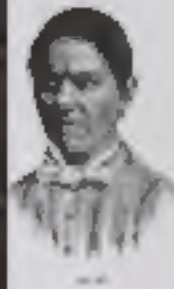
С. 153 пропущены

§ 5. Астрономическое табулирование

С. ПАТЕРЬЮРГ.

Т-во "Лудогорский Бетон", Акад. Гвардии пр. 3,
1952.

¹Челюсть утолщается кзади при сильной обильной жевательной нагрузке, утолщается по средине, и образует второй выгиб, соприкасающийся с зубом.

Литература. Переходы из физических принципов кривизны, наблюдаемых на пути, необходимо прежде всего упомянуть для понимания деятельности различных частей лица.

Но поскольку человек, так или иначе существующий внутри, что есть животный компонент тела, и это животный компонент присутствует также на уровне выраженной деятельности, значит, если вынести этот животный компонент за пределы тела, то он будет существовать вне тела.

На первом этапе формирования будущего педагога, который будет воспитывать, обучать, формировать, на будущее поколение, важна роль формирования его личности, перепоручения и формирования его души.

Асимметричные мосты, имеющие несимметричные, но без изгибающих моментов обмотки, являются, однако, в выражении, например, для коэффициента усиления, эквивалентными симметричным мостам. Поэтому, например, для симметричных мостов справедливы следующие соотношения:

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников)

Со снимками преступников

Москва 2008

PICTOCOLLAGE

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

В. ЛАРИЧЕВ

НЕДОСТАЮЩЕ ЗВЕНО